

ЛОВЕСНИК

10/74

На первой странице обложки: Фото-репортер Владимир Чейшвили недолго раздумывая над нашим не совсем обычным заказом. Он достал пухлую папку с пленками, отснятыми в дни X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине, и вскоре протянул вот этот снимок.

А заказ наш был таков — снимок о счастье.

2. СМОТРИТЕ
4. Г. Гаев. ИНЖЕНЕР ИЗ ДРЕЗДЕНА
6. Э. Баталов. КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ
8. АНКЕТА «РОВЕСНИКА»
10. Жерар Бонно. ЭТОТ МОДНЫЙ ПРОДУКТ — СЧАСТЬЕ...
12. М. Струва. ГОЛУБОЕ, КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ
16. А. КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ?
19. Курт Воннегут-младший. А КТО Я ТЕПЕРЬ? РАССКАЗ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. М. Фрид. ТОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ «ШОКИНГ БЛЮ»
Л. Герасимова, В. Зинченко. НЕМЕН БЕЗ ЗАГАДОК

Октябрь, 1974 г.

N10

ПАРИЖ. Организация ЮНЕСКО опубликовала доклад об успехах народного образования на Кубе. С 1959 по 1974 год на острове Свободы количество учащихся начальных школ увеличилось с 717 до 1898 тысяч; средних школ — с 88 до 370 тысяч; студентов вузов — с 15 до 50 тысяч. Без отрыва от производства в стране учатся 140 тысяч школьников и студентов. Новинка кубинского просвещения последних лет — так называемые «полевые» школы-интернаты, создаваемые в сельской местности. Каждая приблизительно на 500 учащихся.

МОСКВА. «Добро пожаловать, товарищ Гладис Марин!» «Мы с вами, патриоты Чили!» — такими лозунгами встречали молодых чилийских патриотов и их героического вожака — Генерального секретаря Коммунистической молодежи Чили Гладис Марин советские юноши и девушки в Москве, Донецке и Артеке, где в июле проходила традиционный VII неделя дружбы и солидарности советской и чилийской молодежи.

Выступая на митинге в Донецке, посвященном завершению недели, товарищ Гладис Марин сказала: «Дело борьбы за освобождение нашей родины от фашизма — это знамя, которое помогает нам нести и ваш народ, советская молодежь».

На снимке: хлеб-соль чилийским друзьям.

РИМ. В исследовании на тему о трудоустройстве выпускников итальянских вузов газета «Стампа» пришла к выводу, что в конце 1978 года 25 процентов выпускников технических институтов Италии будут работать не по специальности. Во многих районах страны, отмечает газета, дипломированные специалисты, дабы не оказаться без средств к существованию, работают кондукторами городского транспорта. Так, в Риме существует даже профсоюз кондукторов — выпускников вузов, насчитывающий более 150 членов.

БУЭНОС-АЙРЕС. Чилийские военные власти продолжают «чистку» учебных программ. Недавно из них были исключены еще два «опасных» произведения: староспанский эпос «Сид» и «Дон-Кихот» Сервантеса.

ТОКИО. По призыву профсоюза преподавателей сотни школьных учителей провели демонстрацию в центре японской столицы. Они протестовали против ареста 20 руководящих работников профсоюза за их участие во всеобщей забастовке преподавателей в конце прошлого учебного года. Забастовщики требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда.

На снимке: демонстранты на улицах Токио.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

СЧАСТЬЕ — ЭТО...

СЧАСТЬЕ — ЭТО?..

СЧАСТЬЕ — ЭТО!..

ГОВОРЯТ ВАШИ РОВЕСНИКИ,
СОЦИОЛОГИ, ЖУРНАЛИСТ.

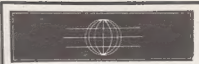
ПРАГА. Секретариат Международного союза студентов опубликовал коммюнике о поездке делегации МСС в Португалию. Делегация ознакомилась с деятельностью студенческих организаций страны в новых условиях, встретила с представителями университетов Лиссабона и Коимбры, профсоюзов и общественных организаций. В достигнутом с лидерами студенческого движения соглашении говорится об организации туристских поездок португальских студентов в европейские страны и проведении встреч по проблемам демократизации образования.

ЛОНДОН. Убийство английским полицейским участника проходившей в один из июльских дней в столице Великобритании на площади Красного льва антифашистской демонстрации Кевина Гейтли вызвало бурю возмущения среди студентов. В совместном заявлении президента университета «Уорвика», где учился Гейтли, Пити Эшби и президента Национального союза студентов Джона Риздалла говорится: «Мы не оставим убийства без расследования, не позволим апологетам полицейских репрессий похоронить это дело. Мы убеждены, что публичное расследование подтвердит насильственный характер действий полиции, имевший место на площади Красного льва».

На снимке: английские «бобби» атакуют демонстрантов.

В
семирный
МТ
целодневный
телеграф

НЬЮ-ЙОРК. Среди неядижиности, которой в последние годы стали бойкотировать на рынках США... католические вузы и колледжи. В их числе 100-летний католический колледж в Балтиморе, духовная семинария «Лойола» неподалеку от Нью-Йорка, насчитывающий более 6 тысяч студентов колледж Парсонса в штате Айова. Падение популярности католического образования отнюдь не единственная причина этого явления. Руководители высшей школы страны ссылаются на неуклонный рост стоимости обучения.

БЕРЛИН. В рамках кампании «Студенческое лето — 1974» 30 тысяч студентов республикан трудились на стройках ГДР, а 2 тысячи юношей и девушек принимали участие в совместных трудовых акциях студенчества братских социалистических стран.

БУХАРЕСТ. Румынский Центр исследований молодежных проблем, объединяющий наиболее опытных педагогов, психологов и социологов, работает над специальным докладом по проблемам молодежи, который будет оглашен на съезде румынского комсомола. Директор центра профессор О. Бадина особенно высоко оценивает результаты исследований, проводимых в рамках общей программы учащимися школ и студентами. Молодежь весьма объективна в проведении исследований собственных проблем, особенно касающихся взаимоотношений: молодежь — родители — воспитатели.

РОЛИ. Столица американского штата Северная Каролина стала ареной грандиозного митинга в защиту гражданских свобод национальных меньшинств. Выступавшие, среди которых были известные деятели Конгресса США Анджела Дэвис, подвергли критике политику подавления национальных меньшинств, настаивали на пересмотре репрессивного антирейбного законодательства, а также освобождению из заключения группы индейских активистов.

На снимке: марш участников демонстрации в городе Роли.

КАРАЧИ. В новом учебном году во всех государственных школах Пакистана отменена плата за обучение. Объявлено также о планах строительства студенческих общежитий. Только в одной провинции Пенджаб планируется построить общежития на 2575 мест.

На снимке: группа школьников из Карачи.

смотрите :

Они отвечали *kein Blatt vor Mund*, в буквальном переводе: не держа листок перед ртом. Так написали репортеры, бравшие интервью у рабочих одного из автомобильных заводов ГДР. Вопросы же сводились, в сущности, к одному: «Хорошо ли вам жить и работать?»

Глядя на снимок, кажется, можно не приводить их ответ.

Ну а детей, как видите, можно было и не спрашивать, хорошо ли им, как нет нужды писать о том, насколько красив Берлин — столица ГДР.

**25 ЛЕТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

25 ЛЕТ НАЗАД БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА, И ВСЕ ЭТИ ГОДЫ БЫЛИ ГОДАМИ, ВОШЕДШИМИ В БИОГРАФИЮ ДИТРИХА ЛОРБЕРА, ЧЕЛОВЕКА ДОСТАТОЧНО ТИПИЧНОГО ДЛЯ МОЛОДОГО ГОСУДАРСТВА. СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ СТАЛО СТАНОВЛЕНИЕМ И ЕГО ХАРАКТЕРА: ОН, КАК МИЛЛИОНЫ ДРУГИХ, РАЗДЕЛИЛ С НЕЙ И РАДОСТИ, И ТРУДНОСТИ, А ТЕПЕРЬ ДЕЛИТСЯ С НЕЙ СПОКОЙНУЮ УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ.

ИНЖЕНЕР ИЗ ДРЕЗДЕНА

Г. ГАЕР
Фото Е. Загорова

Отец приходил поздно. Он неслышно открывал входную дверь и старался не шуметь, проходя в спальню, но дети сразу же узнавали о его приходе: по комнатам разносился слабый запах мыла, шампеля, вальерны — отец был фармацевтом и работал в аптеке. Первой на запах вальерны прибежала кошка Чандра. Вторым алетал Дитрих. С его появлением два запаха скрешивались друг с другом. От сына пахло бензином, каменной пылью, ржавчиной — всем тем, чем пахло от дрезденских мальчишек в первые послевоенные годы, когда они отыскивали в катакомбах развалин куски мебели, чтобы растопить печку, выдергивали из искореженных пианино струны, из которых делали тетиву для лука. Особенно опасно было вести «раскопки» в руинах бывших дворцов, советские саперы в первую очередь расчищали от неразрозавшихся снарядов, мин, бомб жилые кварталы, а вокруг замечательных строений Пепельмана была протянута веревка и стояли указатели: «Опасная зона». Зато в развалинах Цингера можно было отыскать необыкновенные, вероятно, страусовые перья, счастливым обладателем которых сразу бывался в вожжи, а то и получал титул самого вожжа апачей Виннету. Дети хорошо знали героев книг Карла Мая, а осто-рожный Чингачук и спокойный и человеколюбивый Соколиный Глаз были почти неизвестны им. Книги Купера пришли к ним спустя несколько лет, уже после образования ГДР.

Его Дитрих считал священными другими дел — когда ему удавалось отыскать неповрежденный трансформатор, или целую лампу, или моток модной проволоки. От его бурной деятельности комнаты наполнялись удивительным запахом перетершей смазки или едким елеем канифоли.

Отец сравнивал свои всегда стерильно чистые, в глубоких, прорисованных едкими щелочами морщинах руки с прокопченными до черноты, покрытыми пятнами и волдырями ожогов руками сына и говорил: «Оставь свой паяльник, Дитрих, и пойдй-ка завтра со мной в аптеку. Это куда лучше. Посуди сам, ведь история вначале родила Авиценну и лишь тысячелетие спустя Эдисона. Я хочу, чтобы ты стал хирургом».

И Дитрих не смел возражать. Наутро он заходил с отцом в стеклянный храм фармации, каким представлялся ему аптека. Хрустальный перевоз мензурок и мерное качание аптекарских весов, радость растворов и смесей трогали в его душе какие-то генетические медицинские струны, но... Вскоре умерла от недоедания сестра, и мальчика срочно отправили в местечко Вад-Либенштейн в Тюрингии, где находилась школа-интернат.

После истерзанного, искалеченного Дрездена Тюрингия показала Дитриху: земным раем — высокие сосны, одетые наверху зелеными клубами хвоя, маслянистая трава, появлявшаяся по утрам сами собой, и игрушечные-маленькие паровозы на дне долины. Это было словно второе детство.

В интернате Дитрих вступил в члены общества, которое называлось тогда «Обществом для изучения культуры Советского Союза» — длинный Советский Союз был в то время почти неизвестен немцам, родившимся при Гитлере, и мальчик впервые услышал имена великих русских писателей, музыкантов, художников, полибил — на всю жизнь — русскую народную музыку, на записи которой и сейчас трепещет все его командировочные деньги.

Летом Дитрих приезжал к родителям. Дрезден уже начинал отстраиваться, появились первые реконструкции Цингера. Дитрих следил, как из кирпичной крошки высмывают головы грифельные львы, как тщательно подгоняют реставраторы один к другому камни портиков, и этот интерес согрелвал гуманитарное отцовское сердце — преподаватели многого писали ему о способностях сына и рисовали. Но когда в доме как-то собрались друзья отца, Дитрих, подорожавший со всеми, шепнул ему: «Папа, а знакомых инженеров у тебя нет?» — и Лорбер-старший грустно покачал головой. Правда, и сейчас в квартире Лорберов прежде всего бросаются в глаза фойе — с изображенными шедеврами мировой архитектуры, и сейчас Дитрих, задумавшись, чертит карандашом дорические и ионические колонны. «Конечно же, — шутит он, — пирамиды Гусе или Кельнский собор покружнее, чем монументы или микроскопы». Вот и архитектурные монографии выглядят

сильнее, чем справочники по электронике».

И, окончив интернат в 1954 году, Дитрих сразу же отправляет документы в Дрезденское высшее техническое училище на отделение электротехники и электроники. Хотя его школьный аттестат и был отличным, Лорбер вовсе не был уверен в том, что его примут, он понимал, что должен подкрепить свои безупречные школьные оценки настоящим делом. И оно нашлось. В ГДР в начале 50-х годов молодежь влекло в окрестности города Ауз, где были заложены шахты для добычи урановой руды.

Желающих было много, а Дитрих хотя и был первокурсником по волейболу, футболу, теннису и гимнастике, но в старом отцовском костюме выглядел довольно хрупким. И все же через два дня после приезда на шахту он уже работал отбойным молотком.

Смена начиналась с раскиски штрека — убирали остатки руды после предыдущей смены. Куски черной, со свиновым излодом породы укладывали в «собаку» — так шахтеры называли тачку — и отвозили за сотню метров до вертикального ствола. Потом нужно было пробурить отверстия для запалов в каменной стене забоя. Тонкому мастерству отдавать, по малоприемным изменениям цвета скального камня, где лучше заложить шпурф, Лорбер учился в школе буровых мастеров. Он ходил в нее каждый день по окончании смены. Работали в три смены, и школа получалась то вечерней, то утренней. Потом он стал обучать своего напарника — рабочего вдвоем — строго вертикально вонзать стальную иглу молотка в каменную стену. Когда работали вдвоем, дело шло лучше, и «собаки» наполнялись куда быстрее. Потом приходили мастера-заварщики, и штрек наполнялся грохотом и черными кусками породы.

Стук пневматических молотков и грохот взрывов были будничными ритмами шахты, но были и случаи аритмии. Лорбер сам переживал такой, когда их завалило в забое, потому что предыдущая смена плохо закрепила келье. Весь мир внезапно сузился до размеров каменного мешка, в котором оказались замурованы шахтеры. Только собственное дыхание через респираторную маску напоминало о том, что на земле суще-

стает жизнь, — до того тихо стало вдруг на палате. И когда через два часа перед самым его носом блеснула кончик лопаты, а потом показалась голова в каске, для Дитриха снова раздвинулся мир, суесть и рево.

В следующем году Дитрих был принят в институт. «Отличный специалист мастер палатной проходки», — значилось в направлении.

В студенческие годы Дитрих получил первую правительственную награду — медаль «За самоотверженную помощь при ликвидации катастрофы».

...Это случилось весной. Сессия была на юсу, как вдруг по радио: «Готгольба вышла из берегов!» Небольшая речушка Готгольба во время весенних паводков становилась бешеной. Всем дрезденцам было памятно наводнение 1927 года, отец много рассказывал о нем, тогда потопило около ста человек. И ровно через тридцать лет появилась новая беда. Как только диктор кончил сообщение, Дитрих бросился к сараю, там стоял мотоцикл. Через сорок минут перед глазами предстала впадина еще зеленая, а теперь серая от мутной воды долина Готгольба. Река неслась аскаш, сплывая на кусты пену бешенства. Она авлекая захваченные в горах кряжи могучих деревьев и сносила ими как тараном постройки на берегу. То есть эти они раньше стояли на берегу, а теперь были по окна в воде. Куры жалобно кукалдали на улицах, а в институте мчались машины, выходя на рогах хвосты и водоросли. Далеко не каждому добровольцу позволялось лезть в реку, но чемпиону факультета по прыжкам с трамплина — Дитрих успел захватить почетную грамоту — тут же доверили едва ли не самую опасную работу: нужно было нырять в кипящую реку, находить в мутной глубине стволы деревьев и привязывать к ним стальные цепи. Потом бульдозер трелевал деревья на сушу, подальше от русла реки.

Ворба с Готгольбой продолжалась несколько дней, среди спасателей Дитрих видел много людей в белых халатах. И хотя он все больше и больше увлекался электроникой, но именно здесь он все же решил пристать наконец к медицинскому берегу.

Заканчивая институт, он пишет дипломную работу по акустическим измерениям, но решение уже принято: он будет работать в области медицинской техники. В родном городе, кстати, сосредоточены лучшие в ГДР специалисты по медицинской электронике, здесь находится научно-исследовательские отделы комбинации медицинской и лабораторной техники. Между прочим, не прошло даром и увлечение акустикой: прибор для объективного измерения слуха (не то что «Как вы слышите, больший?» — «Плохо, доктор», а точные показатели величин слуха, отмеренные на шкале), созданный под руководством Лорбера, возглавлявшего коллектив еще более молодых, чем он, инженеров, получив второе место на национальной выставке «Мастеров завтрашнего дня».

А первые самостоятельные научные исследования молодого специалиста были посвящены разработке многоцелевого осциллографа. И сейчас эта установка — с тем пор, конечно, неоднократно улучшенная — украшает экспозицию ГДР на международных выставках. Многоцелевой — значит использующийся в самых различных медицинских

исследованиях, в комбинации с самыми разными приборами. Это значит, что разработчик должен хорошо знать, что нужно врачам и какой техники им не хватает.

Такое глубокое знакомство с клинической практикой в сочетании с изобретательскими, творческими решениями в технических проблемах привело к выбору Лорбера как специалиста, который должен был выехать на монтаж оборудования больницы в городе Флорианополисе — столице бразильского острова Саита-Катарина.

Только приехал на место, Лорбер понял, насколько ответственным было поручение. Поставка медицинского оборудования во Флорианополисе была одним из самых больших заказов для ГДР в области медицинской техники. Успешная работа аппаратов и приборов означала новый заказ.

Дитрих Лорбер не помнит сейчас, думал ли он именно об этом, когда стоял с инструментальным ящиком в руках перед грудой нераспакованных контейнеров на берегу океана, выгруженных рьяно со стенами строящейся клиники. Рабочим можно было нанять, но специалиста был лишь он один. Вообще в стране было всего с десяток граждан ГДР, да и находившихся они за тысячу километров отсюда, в портовом городе Сан-Паулу. Он вспоминает, как приходил вечерами в гостиный, где они снимали номер, жена жаловалась, что их пятилетняя дочь ничего не ест, никак не привыкает к острой, праной еде, а сам с раздражением сознавал, что из головы не выходит новая рентгеновая установка, в которой никак не удавалось получить резкое изображение. Уже несколько раз он проверял все узлы — там полный порядок. И тут вспомнил, что аппарат целый день стоял в незапертой комнате. Он выскочил из гостиной, бросился в такси, а приехал в клинику, начал осматривать блок осветительной аппаратуры — точно, свернули трубку, да так, что не только ухудшалось изображение, но и пациенты подвергались опасности высокой радиации...

Шло время. За три дня работы в Бразилию ему пришлось не только монтировать и налаживать оборудование — на это существовало описание и инструкции по эксплуатации, но и чинить сотни приборов. Так, в Сан-Паулу он обнаружил, что электрические провода в отдельных узлах приходилось совмещать в одном лице целое бюро обслуживания и ремонта.

Когда приезжали домой в отпуск, жена отдыхала от бразильской жары, дочка с трудом переучивалась с португальского на немецкий, а отец мотался по предприятиям, заказывая новое оборудование, засучив рукава, показывал на заводы, какие изменения нужно внести в схемы, чтобы приборы работали безотказно. Уловил собор в бразильском городе, который запечатлел по их все равно не хватало. Аналогичное оборудование поставяла в бразильские клиники известная фирма «Сименс», именовавшаяся, естественно, «Сименс до Бразилиа». Но в ее контрактах сидело сто двадцать шесть инженеров и техников, к услугам которых были десятки станций обслуживания. А Лорбер один вошелся по тридцати клиникам, больницам и университетам, в которых стояли медицинские приборы из ГДР, по всей стране. Если имелась проблема, доктор — «джинс», если нет (трансамазонская

магистраль, как известно, до сих пор в проекте) — самолетом.

Какие самолеты? «Если горю больше — «каравелла», ДС-8; если меньше — «электра», «вискауит». Сколько налетал? «Досчитал до трехсот пятидесяти тысяч километров, а потом сбился со счета».

По приезду домой Лорбера ждала награда — медаль «За достойное представление страны за рубежом», а в канун юбилея ГДР получал еще одну — «За заслуги». Вручал ее сам обер-бургомистр Дрездена.

Если писатели — «инженеры человеческих душ», то инженеры можно, пожалуй, назвать «описателями душ машинных». Нередко бывают ситуации, когда нужно за короткий срок и в то же время основательно разобраться в сути новых приборов, например, на выставках за рубежом. Выставки новых медицинских приборов приурочиваются, как правило, к большим конгрессам хирургов, и спутники Лорбера в этих поездках, как правило, маститые знаменитости. Когда однажды Лорбер, поманивая палкой на «молнии», промчался в министерстве здравоохранения мимо группы профессоров, один из седовласых жрецов храма здоровья, не удержавшись, бросил ему вслед:

— И этот молодой человек тоже ездил с вами на конгресс в Варшаву? Новоротно! Всемирный форум хирургов, от страны выделено всего пять человек, и один из них — мальчишка...

— Позвольте возразить вам, коллега, — резко сказал собеседник. — Я был вместе с этим молодым человеком на одной выставке, и, поверьте моему слову, по возвращении он мог рассказать о новинках электронной техники, которые были показаны на выставке, в сотни раз больше любого из нас. Он смотрит на панель, отыскивает задний рычажок — и видит прибор неясно, не хуже, чем мы пациента. Какой-нибудь входной импеданс говорит для него не меньше, чем для нас значение гематокрита. И я сам наблюдал, как он помог растерявшемуся инженеру из шведской фирмы наладить пейсмейкер.

— Вы говорите, он хороший инженер-электронщик?

— Хороший? Отличный! Он руководит одним из основных отделов комбинации медицинской и лабораторной техники.

— Изначально, в последние годы Дитрих неудачно выражал. И все же вся эта техника — дело ненадежное. У меня в клинике вот уже второй месяц не работает аппарат «искусственная почка».

— Позор! Зайдите в технический отдел, они вам мигом исправят.

— Да это аппарат, знаете ли, не наш. Фирмы «Травенол». И перестаньте испепелять меня взглядами, коллеги. Мне как-никак сорок восьмой десяток, а ГДР в этом году всего четверть века.

Тем же самым юбилейным года Дитрих Лорбер защитил вместе со своими коллегами докторскую диссертацию на сложнейшую тему: взаимодействие между врачом и пациентом и технические аспекты этого взаимодействия. Я спросил его (в немецком языке это немаловажный момент):

— Как вас теперь называть, Дитрих? Он засмеялся:

— Конечно, доктор, звучит приятно, и отец порадовался бы, ведь это почти как врач. Но вы знаете меня как всегда. Для советских друзей я прежде всего товарищ.

КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Э. БАТАЛОВ

Двадцать пять веков спорят люди о том, как прожить счастливо, а споры этому не видны конца. И ничего тут нет удивительного. Потому что каждый человек, вступая в жизнь, должен заново открыть для себя смысл счастья и пути к его достижению, а это редко дается без внутренней борьбы, сомнений, мучений. И потому, что то или иное представление о счастье неизменно несет на себе печать определенной эпохи, общества, классового интереса и расходится с представлениями о счастье, порожденными другими эпохами, странами, классами. Отсюда тот высокий накал страстей, без которого не обходится ни один разговор о счастье и который пронизывает сегодня всю духовную атмосферу Запада.

Это легко почувствовать, прочитав публикуемую в этом номере «Ровесника» полемическую статью французского журналиста Жерара Бонно «Этот модный продукт — счастье». Я не собираюсь комментировать спор Бонно — Повеля, предоставляя такую возможность самому читателю. Хочу лишь заметить, что и сама полемика, и позиции сторон — существенные и характерные элементы того духовного климата, в условиях которого молодое поколение Запада вступает в жизнь.

Нельзя, правда, не сказать, что многое в этом споре, как и в реальных процессах, которые он затрагивает, не столь ново и оригинально, как кажется на первый взгляд. Еще в рабовладельческом и феодальном обществе господствующие классы

предпринимали попытки внедрить в сознание «толпы» некий дешевой и доступный идеал счастья и тем самым стабилизировать существующий общественный порядок. Правда, прежние идеалы и стандарты «массового счастья» были нередко выдержаны в аскетически-религиозных тонах. Сегодня буржуазия развитых капиталистических стран стремится ввести в моду иной идеал счастья. Популяризируется представление о счастье как о житейском комфорте, который, как уверяет реклама, доступен в той или иной форме каждому — завтра, сегодня, сейчас. «Зарабатывайте деньги. Будут деньги — будет коттедж, машина, телевизор и прочий холодно-стиральный рай, а значит, будет счастье. Обязательно быть...» Вот, собственно, вся суть этой «философии» счастья.

Так что же, возможно, остановит меня иной читатель, нужно отказаться (во имя счастья) от холодильника, телевизора, автомашин и других роскошных «благ цивилизации»? Приостановить рост материального благосостояния трудящихся? Нет, совсем нет. Нелепо отрицать, что для многих людей (хотя, конечно, не для всех) житейский комфорт стал сегодня важной предпосылкой счастья. Но одного комфорта для счастья все-таки мало. Ведь счастье не минутное блаженство от кружки холодного пива в жаркий день. Счастье — это чувство глубокой внутренней удовлетворенности, напряженное переживание полноты бытия... И никакие материальные блага, никакая

комфорт самим по себе не способны вызвать такое переживание. Это в первую очередь относится к молодому поколению. Не случайно протестующая молодежь Запада (от хиппи до «новых левых») с презрением отвергла официально-рекламные стандарты счастья как ложь, как умело поставленную ловушку. Сама она, правда, так и не смогла предложить альтернативной модели счастья, которая бы соответствовала реальным тенденциям исторического развития. И все же молодые люди ясно дали понять, что для них счастье немыслимо без свободы, без творчества, без подлинной человеческой ответственности.

Однако под западной молодежи против потребительских идеалов своим образом не уменьшает социальной опасности той «философии счастья», которую проповедуют тот же Повесть и ему подобные. Тем более что эта «философия» проникает в сознание традиционных. Ведь заявили же 76 процентов французов, что они в целом удовлетворены своей судьбой. Конечно, среди них наверняка немало таких, кто отдаст дань «моде на счастье» и чувствует себя просто обязанным играть в счастье-человека, дабы не ударить в грязь лицом перед соседями, сослуживцами, патроном. Но ведь есть и такие, кто, вынимая радость, чувствует себя вполне счастливым только потому, что стал обладателем дорогого магнитофона или автомашины новой марки. А это уже не может не настораживать.

Человек обычно судит о счастье (и несчастье) не вообще, а исходя из усвоенных им представлений о смысле жизни, о высших жизненных ценностях, о своем жизненном назначении. Но существует и обратная зависимость: та или иная «модель» счастья, будучи избрана (или насильственно внедрена в сознание) в качестве эталона, навязывает человеку на определенное понимание как цели и смысла жизни, так и путей их осуществления. Нетрудно «вычислить», на какие жизненные стандарты, какой тип поведения ориентирует «модель» счастья, проповедуемая рекламой, и к чему она могла бы в итоге привести, став всеобщим идеалом. К осуждению внутреннего мира. К деградации личности. К отчаянию. А то и к появлению тупых, сытых, довольных (и самодовольных) «носорогов», для которых отрывистые слова команды звучат как музыка и которые готовы с восторженными воплями растаптывать «бесполезные» цветы, выращиваемые человеком.

Конечно, пути к настоящему счастью отыскать не так легко. Тем более что универсальных рецептов счастья вообще никогда не существовало и, думаю, не появится. А вот над альтернативой «потребительского» счастья стоит поразмыслить. К такому выводу пришла и я и приведу в качестве иллюстрации совет древнегреческого философа Эпикура: «Следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь».

«СЧАСТЬЕ — ЭТО БОРЬБА»

Вспомните знаменитую «Исповедь» Карла Маркса. На вопрос: «Ваше представление о счастье?» — Маркс отвечает: «Борьба». Ответ неожиданный — но необычный — так он расходится с традиционным, веками складывавшимся представлением о счастье как о безмятежно-сладостном покое, нераспескианном полноте. Ответ, звучащий как девиз. Да он и был девизом жизни для целых поколений пролетарских революционеров.

Минувшее десятилетие как бы заново открыло для тысяч молодых людей Запады, выросших в обстановке послевоенных, отнюдь не «благополучных» лет, великий жизненный смысл социально-политической борьбы — открыло вопреки настоячивым попыткам властей «приручить» молодое поколение и приравнять его ценности буржуазного торгового-потребительского общества. Тем, в баррикадах и в колоннах демонстрантов, на студенческих митингах сомнамбулы и двадцатилетние, не знающие ни бомбежек, ни голода, может быть, впервые в своей еще короткой жизни испытали подлинную радость бытия и познали минуты настоящего счастья.

Конечно, когда мы говорим, что счастье — в борьбе, это следует понимать, как справедливо замечает в анкете, публикуемой «Ровесником», мексиканец Александро Эзинге, име в узком смысле утилятельные — взять винтовку и стрелять, хотя и такая возможность не исключается». Маркс, связывая счастье с борьбой, предстает перед нами и как дальновидный политик, и как глубокий мыслитель. Ведь в понятие «борьба» он вкладывает не только чисто политический, а и философский смысл: счастье — каков бы ни был его конкретный облик — всегда сопряжено с борьбой как с преодолением. Переживание полноты бытия, достижение глубокого внутреннего удовлетворения невозможно без самовыражения, а самовыражение — это всегда преодоление: собственной ли инертности, внешних ли обстоятельств. Мы справедливо утверждаем, что счастье — в труде. Но общественно полезный труд именно потому и способен вызвать чувство глубокого внутреннего удовлетворения, что он дает человеку возможность «раскрыться» и проявить

свои таланты, преодолеть «сопротивление материи» и в конечном итоге подняться над самим собой — «себя преодолеть», говоря словами Эммы Верхарна.

Ну а что, казалось бы, может быть дальше от борьбы, чем «бесхитростная» радость, доставляемая человеку «простыми» проявлениями жизни — созерцанием прекрасного, особенно общением с природой. Да радость, которая вызывает внутренний трепет и подъем, напряженное чувство полноты жизни и которая столькими поэтами воспева как проявление подлинного счастья.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле урюмой
Счастливы тем, что я дышал и жил.

Счастливы тем, кто целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И верь, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по головам.

Этот Есенин. А вот Иван Бунин:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазури, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомяну только вот эти
Полесные пути меж колосов и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Можно, конечно, спорить и с Есениным, и с Буниным о типичности изреченных картин или о мировоззренческой их стороне. Но согласиться — нужно было потом, то есть человеком обостренной чувствительности, труженником и творцом, чтобы столь искусно выразить свежесть ощущений, непосредственную радость бытия. Ту радость, без которой никакой комфорт не делает нас счастливыми. Ну а проучивать красоту природы или тех же бунинских стихов и, приобщившись к этой красоте, испытать глубокие внутренние удовлетворение — требует ли это усилий, борьбы? Несомненно, ибо происходит преодоление косного, безразличного отношения к миру — будь то мир людей или мир природы. Вообще всякое открытие прекрасного есть творчество, а творчество требует высокого напряжения сил души и вынуждает огля, борьбы, может быть, даже муки. Мы слышим порой: «муки творчества». Ну в разе мы не можем сказать, как бы парадоксально это ни прозвучало: «муки счастья»? Я думаю, что настоящее счастье, как и настоящая радость (прошу не путать с «удовольствием» и «весельем»), рождается только из преодоления, из победы над «сопротивлением материи», в какой бы конкретной форме это сопротивление ни проявлялось и что бы конкретно ни представляла данная «материя». Это может быть и победа музыканта, «укротившего» свой инструмент, и победа летчика, выигравшего поединок с машиной, и победа рабочего, взявшего верш в соревновании. Отсутствие такого сопротивления, отсутствие жизненной цели, ориентированной на борьбу и победу, явное созерцание окружающего в сонном доволствии — нет, это не счастье, это инерция жизни, способная привести внутренне сильную личность к трагедии, к пустой растрате душевных сил. Классический пример — Илья Ильич Обломов. Ему были ведомы многие чувства. Кроме счастья.

«НЕВОЗМОЖНО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ В ОДИНОЧЕСТВЕ»

Прочитайте внимательно ответы участников анкеты «Ровесник» — и вы заметите, что большинство молодых людей, подчеркивая глубоко интимный, субъективный характер счастья, упорно пытается при этом обнаружить и раскрыть его общественный смысл. «Принести пользу людям, работать на всеобщее благо», «Облегчить судьбы людей, которые страдают», «Так организовать свою жизнь, чтобы в нем (в человеке) нуждался». Помочь, научить, облегчить и т. д.

Радостно видеть благородство и чистоту юных душ. Но радостно видеть и проникновение — пусть где-то стихийное — в тайны жизни, открывающиеся удивительному ослепленному уму. А проникновение такое нужно, ибо в ответах не только благородство, но и осознание самой природы счастья. Молодые люди — каждый по-своему — выразили то, что я условно назвал бы «законом счастья»: счастье существует только во взаимном общении людей, в их взаимодополнении. Только тогда, когда другие приобщены к «моему» счастью, а я к счастью других — только тогда «пулы» счастья сохраняют свою наполненность. («Заметать», что само слово «счастье» —

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ ?

**ОДА ТЕРЬЕ
ХАКЕНСЕН,
22 ГОДА,
ОСЛО, НОРВЕГИЯ**

Трудно толковать это понятие. Это каково переходное состояние. Человек может его испытать даже на пути к решенному кроссворду. Все дело, умеет ли он радоваться.

Если же говорить серьезно, то для меня это состояние связано с моими надеждами на будущее. Я занимаюсь на факультете обществоведения и, наверно, буду учителем.

И вот когда-нибудь придет такой день, когда я увижу целый класс своих бывших учеников — одинаково удовлетворенными. При виде такой картины даже кажущаяся статус будет счастливой...

Но такого достигнуть очень не просто. Мы живем в капиталистической стране, а счастье всех возможно только при социализме. Если же взять нашу сегодняшнюю жизнь, то мы увидим, что люди у нас разобщены, что каждый старается аскарироваться к заветной цели любой ценой, иногда даже по тлам близким.

Такого счастья себе я не желаю.

**ТОММИ ТОМПСОН,
24 ГОДА,
АРЛИНГТОН, США**

Счастье — это состояние, в котором человек не является несчастным. Возможно, так записано в словаре? Хотя это еще не определение. Что же такое для меня счастье?

Первое — здоровье. Ну, это каждому ясно.

Второе — друзья. Невозможно быть счастливым в одиночестве.

В-третьих — возможность быть хозяйном самому себе. Пока я этой возможности не получил. Все вокруг меня домогается оказывать на меня давление. И родители, и преподаватели. «Старайся, Томми, будь панишкой. Ты же учишься на

доктора! Ты же станешь получать большие деньги!»

Применительно ко мне счастье в том, чтобы стать доктором. Очень многие готовы включиться в эту гонку. А гонка бешеная, участвовать в ней совсем не просто, она стоит больших сил и денег, большого напряжения. Твоей преподаватель, кажется, только и думает о твоей неспособности конкурировать с другими студентами.

Зато в итоге эта самая жизнь ведет вас к настоящему счастью — к положению доктора и хорошим заработкам. Все силы и все деньги, которые вы вложили в эту гонку, к вам возвращаются.

**МАЙЯ ЭГГЕРТ,
18 ЛЕТ,
ЗАЛЬЦБУРГ, АВСТРИЯ**

По-моему, счастливой станешь тогда, когда преодолешь все заботы материального характера и сможешь обратить свое внимание на духовную сторону жизни. За деньги счастья, конечно, не купишь, но они, между прочим, могут поставить счастливца в более предпочтительное положение...

Итак, для меня счастье заключается в благополучии, в любимом человеке, в работе, которая, помимо морального удовлетворения, избавит от материальных трудностей и не будет забирать мое свободное время.

**КШИШТОФ,
МЕДУШЕВСКИЙ,
21 ГОД,
СЕДЛЬЦЕ, ПОЛЬША**

Больших денег для счастья не нужно. Нужно столько, чтобы нормально жить. Я по специальности монтер, деньги зарабатываю неплохо... Счастье — это совсем другое.

Человек должен так организовать свою жизнь, чтобы в нем не нуждались, — вот что такое счастье!

**АЛЕКСАНДР
АЛЫНЬИХ,
20 ЛЕТ,
ХАРЬКОВ, СССР**

Счастье, по-моему, вот какое: приносит пользу людям, работать на всеобщее благо и не болеть. При этом, я думаю, можно быть счастливым, даже сознавая себя вполне радовым работником народного хозяйства. Но важно другое: каждый человек обязан найти себя в любимом деле. В жизни как бывает! Один на работе только и смотрит на часы, как бы скорее домой. Другой же трудится не столько ради денег, сколько ради идеи. А для счастья необходимо прежде всего представлять, какому делу себя отдашь. Удачно, как правило, радуют, трудности портят настроение. Хотя трудности меня еще и раззадоривают, заставляя бороться, что-то изменить, подумать о новом решении. Поэтому я даже их считаю необходимым компонентом счастья. Они еще больше отстраивают твою радость, когда цель достигнута.

**БАРБАРА, ЭРЛИХ,
21 ГОД,
ПОРТЛЕНД, США**

Для меня, как и для многих, счастье состоит в общении с людьми, в контактах, в том, чтобы встречаться, расставаться, путешествовать.

Я неспроста выбрала сферу криминологии. Существует целая система, которая делает людей несчастными. Сколько у нас было разговоров о студенческих беспорядках, причем аниноватым чаще всего считали студентов. А дело в том, что полиция не понимает правильных требований студентов, и в этом непонимании вообще коренятся истоки зла и несправедливости в наше время...

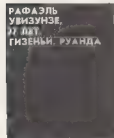
Я хотела бы посвятить свою жизнь делу сотворения добра. Для этого я и поступила на факультет права. Я вижу свое счастье в самом процессе такой работы на благо людей, особенно на благо не-

«Ровесник» обращается к своим читателям с предложением откликнуться на анкету. Итак, каково ваше представление о счастье и путях достижения его?

КАК ТЫ ВОРЕШЬСЯ ЗА НЕГО ?

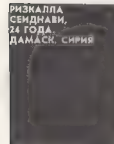
АНКЕТА
„РОВЕСНИКА“

которых несчастных, которые попали в заклочившийся круг преступной жизни. Их нужно выволочь из этого круга во что бы то ни стало.

РАФАЭЛЬ
УЗУМЗЕ,
17 ЛЕТ,
ГИЗЕНЬ, РУАНДА

Счастья нет. То есть я хочу сказать, что безоблачное, абсолютное счастье — химера. Такого человека вы не найдете. Одной из каких-то важных составных частей обязательно будет недостаток. Либо одного, либо другого. Достигните богатства, так семейная жизнь не сложится. А может случиться и наоборот... По-моему, счастья не достичь, только обеспеченный человек, у которого есть семья и налажены контакты с его окружением. Конечно, и у этого счастливица могут быть все же неудачи и шероховатости. Однако я ему все-таки советую остановиться и не жалеть для себя лучшего счастья. Потому что, если он и дальше будет его искать, то большего все равно не найдет, а может быть, даже и растеряет, что имеет.

РИЗКАЛЛА
СЕНДАВИ,
14 ГОДА,
ДАМАСК, СИРИЯ

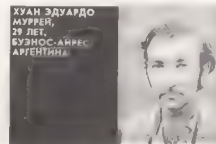
Когда я буду совершенно счастлива? Может быть, когда получу практику и люди с одобрением заговорят о новом докторе. Когда смогу помочь больным не только лечением их болезней, но и в материальном смысле. Тех, у кого мало денег или нет совсем, буду лечить бесплатно.

Однако я собираюсь вести себя осмотрительно. Опасюсь зависти, недоброжелательства. Люди бывают разные, и не нужно забывать, что весьма существенная толика нашего счастья находится в их руках.

АЛЕХАНДРО ЭНСИНА,
30 ЛЕТ,
МЕХИКО, МЕКСИКА

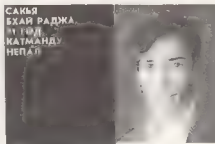
Каждый для себя сам определяет пределы страны под названием Счастье. Многие представляют себе его на основании сказочных образов детства. Я считаю, взрослый человек сказкам верить не должен! А мне, взрослому человеку с дипломом инженера, это и вовсе не к лицу. Для меня счастье наступит тогда, когда простые мексиканцы действительно будут хорошо жить. Не знаю, в какой мере я смогу людям помочь в этом — в большой, малой, но постараюсь это сделать обязательно, потому что хочу быть счастливым. Для себя я не смог бы придумать ничего лучшего, чем то, что предлагают основоположники моей идеологии — марксизма-ленинизма. Для них счастье — в борьбе. Не в узком смысле ультраправых — взять винтовку и стрелять, хотя и такая возможность борьбы не исключается. Борьба в широком смысле слова — значит поступать таким образом, чтобы людям было видно, для кого и ради чего ты стараешься, чтобы люди ответливо поняли, где правда.

ХУАН ЭДУАРДО
МУРРЕЙ,
29 ЛЕТ,
БУЭНОС-АЙРЕС,
АРГЕНТИНА

Истинное счастье одного неммыслимо в отрыве от счастья общества. Я хотел бы, чтобы мне заказали выполнить проект целого города.

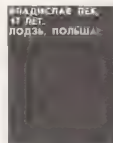
Я не овань надеюсь, что мне придется строить такой город. Хотя это не означает, что я буду несчастным. Человек, который хочет почувствовать себя счастливым, должен просто познать самого себя. Это нужно для того, чтобы обнаружить нити, соединяющие тебя и общество. Понять, на что ты способен, а уже потом по возможности раскрыть свой талант.

САКЬЯ
БХАЙ РАДЖА,
17 ГОД,
КАТМАНДУ,
НЕПАЛ

Счастье для меня будет состоять в том, чтобы облегчить судьбы людей, которые страдают. Счастье — в улучшении положения угнетенных. Я хочу стать за годы учебы не просто специалистом, но Человеком. Поэтому после окончания университета я собираюсь посвятить себя изучению общества Займусь политикой. Может быть, меня изберут депутатом. Свое счастье я вижу в том, чтобы участвовать в общественной жизни страны.

Общество моей страны стоит перед лицом сотен проблем. Поэтому, когда я стану на ноги, я не буду ограничивать своих интересов узкопрофессиональным кругом. Я не хочу уподобляться машине: есть, спать, тратить деньги, и чувствовать себя несчастным, когда все есть.

ВЛАДИСЛАВ ПЕК,
17 ЛЕТ,
ЛОДЗЬ, ПОЛЬША

Счастье трудно понять как общий закон, ведь у каждого оно свое. Смертельно больной Шопен был счастливым счастьем великого артиста и композитора. А Николай Островский, который боролся за счастье всего человечества!

Обыкновенный рядовой человек может быть счастливым тем, что жизнь его идет нормально, что никто не мешает ему после работы выкурить сигарету, походить по лесу, полежать на траве, почитать газету. Разве не так!

Как достигнуть счастья, вопрос сложный и бесполозный, и я не продаю таким мечтам. Вот вы обратите внимание — мечтающие люди часто бывают несчастными. А надо жить и радоваться жизни.

Анкета проведена
В. ДУБИНСКИЙ

АНКЕТА
„РОВЕСНИКА“

ЭТОТ МОЛЧЯЩИЙ ПРОДУКТ-СЧАСТЬЕ...

Жерар БОННО,
французский журналист

Ничто осенью частнее в моде, как последние работы Пикассо и галстуки для женщин. Свидетельство тому — успех книги Луя Повеля «Открытие письма людям счастливым и имеющим для этого все основания». Для автора сомнений нет: счастье в сегодняшней Франции возможно. Более того, оно обязательно. Автор так прямо и пишет:

Разговоры о счастье, как раньше о национальном величии, идут везде. Книжки Повеля обсуждают за ужином, в газетах, по телевидению. Что касается потребностей счастья, то недавний опрос Института общественного мнения показал, что 76 процентов французов в конечном счете удовлетворены своей судьбой.

И все-таки, что есть счастье? Для одних — получить как можно больше денег, для других — для Диогена или хиппи, — освободиться даже от малого, что у них есть, чтобы потом не разочаровываться. Для равнин христиан — попасть на крест, дабы кратчайшим путем достичь рай, а для большого — избраться от мучающего недуга. Счастье меняется в каждую эпоху, оно зависит от общих мнений и даже от сезона. Может быть, счастье — это всеобщая неуловимая гармония между телом и духом, внешними обстоятельствами и внутренними побуждениями? Векswagen мудрость гласит, что в девять счастья, А какое отношение оно имеет к политике или экономике?

Майя Дюпра, одна из тех, кто отвечал на опрос Института общественного мнения, счастлива и не боится это выказать вслух. На первый взгляд в ее жизни нет ничего замечательного. Она работает секретаршей в дирекции завода, ее муж — шофер такси, он с детьми живет в пригороде, в трехкомнатной квартире, купленной в кредит. И все же, когда ее просят пояснить причину своего счастья, она отвечает: «Это мое личное дело».

Повель ее одобряет. Ибо для него счастье — моральная победа каждого человека над собой. И он не жалеет сил и средств для тех навязных или желанных субъектов, которые вальсируют на общественно все свои беды и несчастья. Звонящий автомобиль, влюбленный в сумасшедшую женщину, жаждет сменить правительство потому, что министр распорядился лихорадочно сократить на восемь Студент, который в мае 1968 года вылезавший из мостовой булыжники «политика радости» терпит от «репрессивного характера» общества. Для него счастье наступит только после победного кризиса и домашнего апокалипсиса. «Каждый ненавидит общество и требует от него все, в то же время ничего не требует от себя самого», — сокрушается автор «Открытого письма...» — «Это болезнь века».

Повель идет дальше. Душа это, конечно, прекрасно, но она может рассчитывать только в сытом и ухоженном теле. Вот почему Повель обращается к обществу с призывом производить каждый день больше богатств и больше удобства. А поскольку современное общество справляется с последней из этих задач, оно и предоставляет человеку, по мысли Повеля, если не все счастье, то, во всяком случае, все условия для счастья.

Свое доказательство он доводит до парадокса. «Когда я прихожу в среднюю французскую семью, я вижу предметы первой необходимости: холодильник, стиральную машину, телевизор, часто — автомобиль. Я вижу также бесполезные вещи, называемые рекламой, журналы, пластинки, кинья, и вот они-то и терпят нищету беспрестанно. «Какое несчастье! Какое несчастье!»

Повель отрицает мнение, гласящее, что западное общество ищется на количество в ущерб качеству, утверждает машину и низводит человека до ее придатка, навязывает механическое действие, закрывает творчество, вынуждает человека вернуться от себя самого. Порождает отчуждение, говорит марксистским термином. И чем больше общество накапливает материальных удобств, тем больше оно обкрадывает духовную жизнь. Тем несчастнее, следовательно, становятся люди.

«Я знаю вкус несчастья», — отвечает на это Повель. — «Мое детство проходило в нищине пригороде. Я ходил в школу, подолжился в прохудившихся ботинках газетную бумагу и осмешал себе дорогу фонариком». Здесь он затрагивает чувствительные струны. Французы, познавшие оккупацию, жидкий бразил-суп, нечера без света и зымы без угла, понимают такой язык. Им не надо ехать за тридевять земель в Азию или Африку, чтобы узнать, как выглядят нищета. Они вовсе не сожалуют о том, что живут лучше своих родителей (78 процентов ответов на опрос Института общественного мнения). Недовольство высказывают как раз те, кто не в силах приписать к источникам массового потребления кресты, ремесленники, мелкие торговцы, жалующиеся на «каждый ритм работы» и «беспросветное существование». Конечно, возможно, и не делает счастливым, но отсутствие его делает несчастным. Это уже точно.

Повель трудно возразить, когда он говорит, что материальный прогресс сам по себе — прекрасная вещь. Было время, когда китайские императоры летом ввозили в Пекин снег с горных вершин, чтобы лакомиться дома замороженными фруктами. Сегодня благодаря холодильнику этот фокус властителей Поднебесной Империи под силу среднему французцу.

Судя по опросу, французы считают, что их образ жизни все больше стандартизируется. Повель не колеблется говорить об этом как об успехе демократии. Инвентаризация сверху, считает он, создает справедливость, а без чувства справедливости счастье невозможно.

Речь идет отнюдь не просто о страсти к приобретательству, как это может показаться. В их словах проскальзывает иное чувство, чем то, которое владело скаредами из классической литературы.

Доктор Пьер С. признается, что он любит «рекламу». «В ней можно видеть изобилие и власть. Когда слышишь по шоссе и видишь, как мелькают десятки марок бензина, чувствуешь себя богатым». Жак Ляя Р., 30 лет, объясняет, почему она любит витрины: «Денег у меня немного. Но когда я смотрю на красивые вещи, трогаю ткани и мех, покупаю к рождеству новое платье, я чувствую, как становлюсь уверенней. Если у меня плохое настроение, я еду к парикмахеру». Люсьен В., чиновник, не скрывает, что его жизнь вращается теперь вокруг идеи покупки загородного домика: «Мне кажется, что у меня бу-

дет вторая жизнь. Лучше. Не такая раз-меренная».

Западное общество провозгласило своим идеалом не производство, а потребление. По обе стороны Атлантики все громче слышится лозунг «Качество жизни!». Повель считает, что этот процесс необратим. «Когда человек перестает лачкаться на работе, он хочет чистоты вокруг. Во время отъезда он требует терпеть роскоши прежней аристократии: удивления, тишины, зелени, чистоты неба».

Итак, следует ли присудить Повелю победу вокауту? Дело, однако, не так просто, как кажется. Ибо счастье — странная птица в тот момент, когда ее вот-вот готовы упрятать в клетку, она улетает.

Ге, кто полагает, что познал счастье, смахивает на героя лесни Жака Дебронна, где поется «Я счастлив. У меня есть телевизор, две программы, обе в цвете. У меня машина есть, и приемник у меня. Я счастлив». Но каждую ночь во сне он мечтает стать аспиратором или лесным разбойником. Так и наш мир: у него свои ночные кошмары.

Повель, конечно, не может игнорировать нынешних бед угрозы ядерной катастрофы, загрязнения среды, нищеты стран «третьего мира». Но он возмущен при виде толпы претенциозных мыслителей, псевдоэкспертов и фальшивых интеллектуалов, яростно старющихся презрительно решать трудности в мрачные предзнаменования ради удовольствия предпринять нечто.

От Жюль Верна до Виктора Гюго XIX век рождал светлые утопии. Повель удивляется, почему наш век множит апокалипсисы. Он видит в этом результат болезни, которую сам называет «синистроном», результат подлинного заговора, замешанного «Всемирной церковью пессимизма».

Такая постановка вопроса позволяет ему иметь на руках полную колоду козырей. Но строгого экзамена она не выдерживает. Пессимизм, свлягающее вирши или манипулирующие статистическими данными, по сути, лишь эгоизм. И если они предсказывают несчастья, они отражают подлинное беспокойство людей.

Западное общество счастья не в силах избавиться от тревот. Оно избрало пилотки счастья — успокоители, стимуляторы, возбуждители. Сегодня во Франции врачи прописывают их больше полумиллиарда штук в год. Наша молодежь, выходящая на улицы, матающаяся в поисках наркотического рая или безудержного секса, — вряд ли можно утверждать, что она счастливее. Молодежи недостаточно только комфорта и служебного поощрения. Этим она по-своему отражает дух времени.

Рвущая семейные связи, изгнав удобства, заставляет забывать обо всем. Одна цифра дает представление о состоянии нашего

1 От франц. «sinistre» — мрачный, зловещий

Фото Апри Картье-Брессона

общества: 8 процентов взрослых в сегодняшней Франции не знают, где живут их родители, не знают даже, живы они или умерли.

Людей нельзя насильственно тянуть к такому счастью. Большая часть ворчит, потому что ее гонят к нему ускоренным марш-броском с полной выкладкой и без привалов. Отставших бросают на обочине на произвол судьбы. Одни не хотят внешнего счастья просто потому, что их приучили к ним ценностям. Другие ясно понимают, что в новом мире для них просто-напросто не будет места.

И потом, человеку всегда нужно знать, куда он идет. Не может быть ничего более пугающего и болезненного, чем лихо-

радонная спешка без цели, спешка, где опыт отцов не нужен сыновьям и где идеологии различия в возрасте уже порождает бездушие. Система ничего не оставляет случайности, она безжалостна и суха, как формальная логика.

Человек мечтает взнать свою судьбу отведенное ему лично место, оправдать вожделенное пребывание в этом мире. Это то-то, составная часть его счастья. Но индустриально-практичное общество Запады нуждается лишь во взаимозамеяемых особях. Многие французы строят свое личное индивидуальное счастье за забором «общества счастья», угвая в жмурки с судьбой на тотализаторе или получая эрзац уверенность в чтении горо-

сков. Никогда еще астрология не была столь популярна, как в наш век науки.

Со времен Сократа и Христа Запад всегда учил, что задача человека — реализовать себя как личность. Счастье заключалось в том, чтобы обрести равновесие между своими потребностями, мечтами и действиями.

Сегодня труд разложен по крохам. Кто может мечтать создать какую-нибудь вещь от начала до конца, вещь, несущую отпечаток его личности, его умения и мастерства? Человек, как бы высоко он ни стоял, отчетливо сознает, что имеет ценность только внутри организации, а не сам по себе, что организация, как река, несет его, направляет и определяет путь.

В буржуазном индустриальном обществе, превратившись лишь в средство. Никогда еще человеку не были даны такие широкие технические возможности для высказывания и самоутверждения. Никогда еще он не обладал большим досугом для того, чтобы холить свою оригинальность. Но никогда домине у него не было настолько отобрано право быть самим собой, быть личностью. Запад, когда-то породивший личность, превратил ее сегодня в бессмысленную роскошь. Как подобная вещь не может не отразиться на идее счастья — самом личном из всех ощущений?

Упрямый француз тщится приспособить к нынешнему обществу потребления ценности, унаследованные им от предков. Он хочет иметь машину, но мечтает быть одним на дороге. «Средиземноморский клуб», фирма по организации отпуска, обеспечивает горожанину кусок моря и простора. Но Робинзоном Крузо сегодня стать нельзя. Если только не купить в собственность остров... Так и идея счастья в нашем современном мире — она отдаляется по мере приближения к ней.

Истинный грех общества массового потребления в том, что он скрывает жизнь под мишурой. Скрытно или явно реклама вбивает в голову человеку, которому отпущено не так уж много лет для жизни, что между желанием и удовлетворением только один шаг. Нужно только сделать его КУПИТЬ. Новое мило или новые люди сразу сделают вас привлекательной. Минеральная вода дает вам вечную молодость. Домик за городом — счастливую семью. Одним словом, счастье гарантируется за наличные или в кредит. Человека только забыли научить, как пользоваться им.

Что же случается с потребителем, если, действуя всю жизнь по рецепту, он вдруг открывает, что... счастья нет? Наступает отчаяние. Подлинное, страшное.

Между тем реклама только доводит до посланной черты, до карикатуры стремление купить счастье. Какой человек станет отказываться от счастья, когда его предлагают? Но вот покупка сделана. Поэтому, когда мы задаем ему вопрос, он отвечает, что удовлетворен, и добавляет, что, возможно, это и есть счастье.

Но, может, человек создан для того, чтобы преодолевать, а не ублажать себя? Может, ему всегда нужна звезда высоко впереди? Поэтому счастьем вряд ли можно назвать холодаильник и машину. Ни даже любовь и семью. Все это, конечно, очень нужно. Но нужно и еще кое-что, чего не купит ни за какие деньги, чувство, что ты находишься на своем месте в мире.

Перевел с французского
Б. ТИШИНСКИЙ

ГОЛУБОЕ, КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Иллюстрация А. Гусова

М. СТУРГА

Как известно Медицинские препараты до того, как их начинают применять в больницах и продавать в аптеках, испытываются на подопытных животных — бедных, но нервно-служивших и продолжающих служить человечеству морских свинках, кроликах, мышах, собаках и, наконец, обезьянах. Однако то, что подходит для медицины, не подходит для телевидения. Телевизионщики — прощу прощения за этот неуклюжий неологизм — не могут следовать примеру эскулапов. Бессмысленно обкатывать программы и шоу на кроликах и морских свинках. Даже высокоинтеллигентные собаки и обезьяны, почтенно величаемые приматами, непригодны для этих целей...

Однажды мне довелось быть подопытным животным — не будем уточнять, каким именно, — для американского телевидения. Крупнейшая телекомпания Эй-Би-Си обкатывала новые рекламные ролики, чтобы отобрать из них наиболее эффективные. Приглашение принять участие в эксперименте я получил не в качестве журналиста, а просто так — в лотерейном порядке.

Оно по воле случая оказалось в моем почтовом ящике. Устроители подобных экспериментов рассылают приглашения, пользуясь телефонной книгой, выбирая своих «свинок» и «кроликов», так сказать, наугад. Вместо морковки приглашение сулило шариковую ручку.

Репортер по долгу службы обязан менять профессию. Это стало настолько автоматическим, что даже породило соответствующую рубрику. Так вот, я решил превратиться на время в павловскую собаку, а честно заработанной шариковой ручной описать мои подопытные переживания.

Эксперимент проходил в одном из крупнейших театров на Бродвее. Театр был в простое. Мюзикл, который в нем показывали, прогорел, и владелец с радостью сдал зал в аренду. Народу набилось масса. Не думаю, что причиной тому были шариковые ручки. Просто иногда человеку хочется побывать в шкуре своих предтеч. К тому же без угрозы для здоровья и с полной гарантией возвращения своего обычного человеческого облика. (Последнее, как мы увидим впоследствии, опасное заблуждение.)

Когда все мы — «кролики», «свинки», «мыши», «собаки», «обезьяны» — расселись по местам, нам раздали обещанные шариковые ручки и кипу анкет, размеры которых привели бы в ужас даже выдавших виды надзирателей.

На сцену вышел весьма благообразный джентльмен и довольно пространно, но четко объяснил нам, что от нас требуется. Я не буду столь пространен, но постараюсь быть столь же четким.

Нам предстояло просмотреть десять рекламных роликов, а затем отметить в анкетах наиболее запомнившиеся ситуации, слова, лица — мужские и женские, предметы питания, домашнего обихода и так далее. Рекомендовалось также отметить наиболее понравившийся цвет, линию одежды, косметические аксессуары, причёски...

Откровенно говоря, вслушиваясь в пояснения весьма благообразного джен-

глыблена и оглядывая своих случайных собеседников по эксперименту, я думаю, что они, или, во всяком случае, большинство, поступят так же, как и я, — выбросят анкеты в мусорные корзинки или сунут их под сиденье. Но весьма благообразный джентльмен, видимо, знал человеческую натуру вдоль и поперек, во всех ее измерениях, или, как любят выражаться эрудиты, во всех шпотах.

— Те зрители, которые сдадут свои анкеты заполненными перед выходом билеетерам, получат еще одну, дополнительную шариковую ручку! — возвестил он, заканчивая свой инструктаж.

И вот многие мои соседи, только что выбросившие анкеты, стремятся полезть за ними. Количество, как известно, переходит в качество...

Эксперимент, участником которого мне довелось быть, — явление вполне рядовое для американского телевидения. Подобные тесты проводятся регулярно. Они разнообразны по форме, но одинаковы по содержанию: хозяева голубых экранов снимают, если можно так выразиться, психологическую электрокардиограмму своей будущей аудитории. Но нет что любопытно — делается это не для изучения вкусов телезрителей, а для навязывания им таковых, будь то в форме идей или товаров. Собственно, ведь идеи — тоже товар.

Программы американских телевизионных компаний весьма изобретательны. Они рассчитаны буквально на все слои общества, на все возрасты, учитывают географию, этнографию, национальные и расовые особенности — ведь чисто расового американца не существует, он фигурирует лишь в статистических данных, но более Телевизионных компаний в Соединенных Штатах — пруд пруди. Каналов там больше, чем на Марсе. И функционируют они, по сути дела, круглосуточно. Вы можете включить свой телевизор в любое время дня и ночи, и будете уверены, на каком-нибудь из бесчисленных каналов что-то будет происходить, кто-то кого-то будет убивать или любить, продовать или покупать, развлекать или завлекать.

Мы очень много пишем о насилии и сексе в американском телевидении. Насилие и секс в американском телевидении и впрямь хоть отбавляй, правда, в этом отношении все еще уступает дальнему первенству кинематографу. Но мы очень мало пишем о другом компоненте, занимающем, я не побоюсь сказать, основное место в меню голубого экрана Америки, — мещанстве. Разумеется, пандаты голубого экрана вписывают мещанство в свое меню под совершенно иным названием — «американский образ жизни» — и поддают его под совершенно иным соусом — «Американская мечта» (было не описки. Именно с большой буквы.) Никто не знает точно, социологи спорят об этом по хрипоты, — сколько именно преступлений совершается в США под влиянием гангстерских фильмов, ковбойских лент, детективных серий.

Но если говорить об ущербе, который наносит американской нации телеразвлекательные программы, то никакие гангстерские фильмы, ковбойские ленты и детективные

серины не могут сравниться с так называемыми «мыльными операми». Мыло этих опер превосходит любого колота любого калибра. Последний, по крайней мере, гарантирует тебе мгновенную смерть я — в некоторых случаях — шанс умереть человеком. Первое постоянно, изо дня в день смывает с тебя все человеческое.

Что такое «мыльная опера»? Это, как правило, сюжет «из жизни», который разрабатывается в форме многосерийного фильма, длящегося иногда годами, а то и десятилетиями, в зависимости от успеха у зрителей и рекламодателей. Рамки для «мыльной оперы» выбираются с таким расчетом, чтобы они накладывались на ситуации, приближенные к реальной действительности, и одновременно позволяли бы вывести в игру и вывести из нее как можно больше персонажей: например, «мыльная опера» из жизни врачей — к ним могут приходиться пациенты в любом количестве и качестве.

«Мыльная опера» никогда не затгивает вас в глубины человеческих трагедий, но она и не катапультирует вас в заоблачные выси «сладкой жизни». У «мыльной оперы» свои правила игры. Так, в ней не могут участвовать миллионы. Почему? Разве стать миллионером не самая заветная мечта американца? Разумеется. Но миллионеры в Америке кучка, а телевидение в Америке смотрят миллионы. Многосерийные фильмы «из жизни миллионеров» могут привести к тому, что зритель в конце концов почувствует поиме, что стигматизм своей мечты — голубой, принимая во внимание распространение цветного телевидения. А это его ожесточит. Тщетность может перерасти в зависть, а зависть, чего доброго, в ненависть.

Герои «мыльной оперы» — это затрепанно преспутые «простые люди», «средние американцы». Те же врачи, инженеры, фермеры, представители все возможных профессий. Их показывают на работе и в семейном кругу. Но показывают в смещенном кадре. Они живут «чутью» лучше, чем в действительности, а меру лучше, чем в реальном мире. настолько в меру, что впритык в достижимость этой «чутью» и поэтому хочется ее достичь. Вот, например, «мыльная опера» под названием «Павшая бука». Ее герои — архитекторы. Они живут в квартирах, которые «чутью» лучше обычных, ездят в автомобилях, которые «чутью» лучше реальных, имеют жен и любовниц, которые «чутью» красивее настоящих.

Принцип «чутью» универсален для «мыльной оперы». Его применяют не только к профессиям. Существуют специальные «мыльные оперы» для негров, пуэрториканцев и других расовых и национальных меньшинств, населяющих Соединенные Штаты Америки. В течение нескольких лет компания Си-Би-Эс крутила фильм о медицинской сестре-негритянке, работавшей у зубного врача еврея. В этом фильме внешне, как залось бы, все было «как в жизни». За небольшим исключением. Медицинская сестра-негритянка ни разу не испытала на себе расовой дискриминации, а зубной врач еврей — антисемитизма. И гардероб медицинской сестры был

«чутью» лучше обычного, и стоматологический кабинет врача «чутью» превлаживал привычные стандарты. А в остальном фильм-серия вполне отвечал реалистическим стандартам. экран был голубого цвета, кровь — красного, лица негров — черного.

Небольшое отступление. Я уже говорил, что в «мыльных операх» миллионеры не фигурируют. Не фигурируют в них и знаменитые кинорежиссеры. Актеры для «мыльных опер», как правило, подбирают посредственных, играющих «чутью» лучше простых смертных или театральных любителей. Так достовернее. Так внимание зрителя концентрируется не на звездах-знаменитостях, а на ситуации, идее.

Принцип «чутью» распространяется не только на материальные блага. Поскольку «мыльные оперы» тянутся годами, они отражают события, которые происходят на данном отрезке времени в стране. Идет война во Вьетнаме, и ее «трагатируют». Чистота присутствия и паркомания приводит к ужасающим размерам, и его «отражают». Пропсть между поколениями углубляется, и ее «отражают». Растут безработица и инфляция, и их тоже, представляя себе, «отражают». Но как? Чутью. На этот раз чутью — без кавычек.

Возьмем, к примеру, войну во Вьетнаме. Эта кровавая, несправедливая колониальная война длилась более десяти лет. Но «мыльные оперы» настоящей замалчивали ее. Политическая сверхзачада постепенно стала входить в противоречие с приложенным реализмом. Телезрители каким-то шестым чувством уловили это, и успех «мыльных опер» оказался под угрозой. Тогда мозговые тресты американского телевидения начали вписывать вьетнамскую тему безвредными дозами в «мыльные оперы». Как правило, дело сводилось к тому, что один из героев серии попал под мобилизацию и уезжал во Вьетнам. Или его там убивали — трагическая развязка, или он возвращался — счастливый конец. Сам Вьетнам с его проблемами оставался за кадром.

Для того чтобы окончательно вытравить «нежелательные эмоции», авторы «мыльных опер» стали посылать своих героев во Вьетнам в качестве... добровольцев. Делали они это под влиянием столь модной и неотразимой несчастной любви. Проблема американских вооруженных также разрабатывалась на параллельных рельсах политической эксплуатации и слезливой sentimentalности. Скажем, возлюбленная ждет своего суженого, хотя его считают погибшим, и стойко сопротивляется соблазнам новых знакомств. Ее верность вознаграждается — «герой»-военнопленный возвращается. Другая девка оказалась менее стойкой. Она выходит замуж. Суженый возвращается. Начинается новая фаза классического любовного треугольника. А Вьетнам? Вьетнам остается за бортом. Более того, под судно кувальтируется ненависть к вьетнамскому народу, который, мол, в своем упорстве не желая признать присущую им слабость и податливость на напавшие западную цивилизацию, разбивает счастье простых американских семей.

Нечто аналогичное происходит с

проблемой преступности среди малолетних и наркоманий. Сама эта проблема дает возможность «оживлять» мерное течение «мыльных опер» детективными закруженками. Вспоминаю серию «Так вертится мир» Мир в этой серии вертелся вокруг мелких семейных драм и интриг, которые расцвели на роскошном фоне «чуткого» уличной жизни, приносящего забавляющие сценаристам и юрис-консультантам пригородов. Но вот газеты забили тревогу по поводу роста преступности и наркомании. Еще бы, каждые шесть часов в Соединенных Штатах умирает один человек — жертва наркомании. Сам президент США в официальном обращении к конгрессу назвал наркоманию «национальной проблемой номер два» после инфляции. О статистике преступности говорить не буду. Она общезвестна.

И вот на каком-то этапе, подхватывая моду сезона, разрабатывая ее как новую моду сезона, «чуткий мир» искусственно ввели в сюжет две новые фигуры: «отрицательную» — молодого негра, сбывающего наркотики отпрыскам «приличных людей», и «положительную» — средних лет священника, противопоставляющего крест шпирити и церковь — подпольному притону. Священник, разумеется, берет верх. Цель достигнута, многозначная цель, во-первых, вина за распространение наркомании возлагается на негритянское население, на так называемых «плохих белых», во-вторых, возлагается роль религии, которая в последние времена, как и доллар, подверглась существенной девальвации в Соединенных Штатах. (По данным Института общественного мнения Галлапа, еще никогда со времен первой мировой войны посещаемость церквей в США не опускалась до столь низкого уровня.) Как и в случае с вьетнамской войной, остаются за бортом социальные корни преступности и наркомании, остаются за бортом люди и круги, зарабатывающие на них. Социальная трагедия девальвируется до уровня детективного пестика, вкрапленного в мешанскую мелодраму.

А знаменитая «пропасть между поколениями»? Американская молодежь все больше и все настойчивее отвергает моральные и материальные ценности, которым поклонилось общество Желтого дьявола. Бунт молодежи многолик. Одни идут в комсомол, другие идут в хиппи. Одни обращаются к научному коммунизму, другие бегут в «коммуны», в новые пригороды, производя и пригубляя живописный коктейль из воззрений Руссо и демагогии «председателя Мао». Что ж, «мыльные оперы» тоже отражают «пропасть», вернее, пытаются перепрыгнуть через нее. Как правило, эта проблема трактуется по стандарту библейского сюжета о возвращении блудного сына. Парень или девушка, разумеется, из «приличного семейства», на какое-то время уходит в хиппи — это дает возможность режиссерам и операторам раскрыть живописные картины «коммуны» и ценовой чувствительности «любовей любви» — заветной разномыслии, проследить возвращающегося на круги жизни своих родителей, сбрызну бороду и оставив баки «чутчюк» подлиннее, чем у отца, если это парень, и волосы «чутчюк» подлиннее, чем у матери, если это девушка. Корни,

социальные корни протеста молодежи лишь скользят по голубому экрану, не имея никакой возможности зацепиться за него.

Война во Вьетнаме, молодежное движение заставили правящие круги Соединенных Штатов еще более усилить свой карательный аппарат. Вспомним расстрел студенческих демонстраций в Кенте и Джеконе, вспомним зверские избиения мирных митингов и манифестаций в Чикаго, Вашингтоне и Нью-Йорке. Политический как-то сам собой символический фигурой, в которую трансформировался дядюшка Сэм — агрессор, реакционер, душитель свобод. Обычно полицейского в Соединенных Штатах называют «попом». Это сленг. Он не несет никакой политической нагрузки. Но в последние годы полицейского стали называть «пиг», то есть «свинья», более того — «блудная пиг», то есть «кровавая свинья». И это уже не сленг, а политическое клеймо, не жаргонное словечко, а плакат-вызов. Фигура полицейского превратилась в миф.

Пропагандистский аппарат американского государственной машины развернул усиленную кампанию по реабилитации и героизации полиции. Телевидение, разумеется, не осталось в стороне. Оно активно выискивает за кадром, как появился новый жанровый вариант «мыльных опер» — о полицейских. Мне особенно запомнились две «мыльные оперы» о полицейских. Одна называлась «Ночная патруль». Ее героиня — несколько полицейских, которые патрулируют улицы Сан-Франциско на служебном черно-зеленом автомобиле. В одной серии наши герои «ласкают» старушку из обаятого пламенем дома; в другой — убеждают молодого безработного не вырваться из-за окна небоскреба; в третьей — возвращают несчастной матери ребенка, затерявшегося в базарной суматохе. И так далее, и тому подобное. Герои-полицейские — молодые симпатичные ребята. Ну просто пай-мальчики! В отличие от настоящих они удивительно милы и интеллигентны, вид у них отнюдь не отпугивающий, даже физически они мало напоминают «попов»-геркулесов. Короче, обыкновенные парни, такие, как мы с вами.

Вторая «мыльная опера» — о, если можно так выразиться, «дружнички». Их трое — белый парень, белая девушка и парен-негр. Они «чутятся» на полицейских. Пользуясь своим возрастом, наша троица проникает в мир хиппи и наркоманов и, конечно же, спасает заблудшие души, выводит их на путь света и истин. У троицы свой «крестный отец» — бывший вольерный инспектор, который дирижирует ее действиями, дает ей наставления — не только профессиональные, но и, так сказать, морально-этические.

«Мыльные оперы» о полиции также придерживаются принципа «чутчюк». Разумеется, в Соединенных Штатах полицейские переводят через улицу слепых и калеки, спасают старух, задыхающихся в пожарном утаре, находят потерявшихся детей, надвывая наручники на карманного ворышку, пойманного в метро или в кинотеатре. Но разве в

этом суть карательного аппарата, который содержит господствующий класс Америки?..

Когда то было принято считать Голливуд «фабрикой снов». Он и впрямь был и в значительной степени остается фабрикой, штампующей на целлюлозной ленте сны, но сны несбыточные, о Золушках, выходящих замуж за сказочных принцев; о чистильщиках сапог, становящихся королями Уолл-стрит; о гадких утятах, превращающихся в роскошных лебедей — кинозвезд, балерин, оперных див. Телевидение в отличие от Голливуда «фабрика полуснов». На телевизионном Золушка не выходит замуж за сказочного принца. На телевизионном обыкновенная девушка находит обыкновенного парня. И они женятся. Прямо на ваших глазах. И не только в «мыльных операх», но и на самом деле. Я имею в виду серию под названием «Найди себе пару». Из аудитории приглашают нескольких парней и нескольких девушек. Их сажают в отдельные кабинеты, так чтобы они не видели друг друга. В-лучший задает им вопросы — выясняет их вкусы, симпатии и антипатии. Если у кого-то они совпадают, то ведущий делает «совместимый пар» предложение от имени своей компании. Разумеется, расходы на свадьбу, на устройство молодоженов компания берет на себя. И, что вы думаете, многие соглашаются. Телевизионная любовь с первого взгляда. Как это мерзко, как униительно, как антигуманно!

Телевидение в отличие от Голливуда — «фабрика полуснов». На телевизионном чистильщик сапог не превращается в короля Уолл-стрит. Но зато ему могут подарить мотороллер, мебельный гарнитур и даже автомобиль. Фирмы, выпускающие все эти предметы и многие другие, рекламируют с помощью таких вот «подарков» свою продукцию. Телевидение делает из этой рекламы шоу. Компании платят телевизиону, а расплачивается в конечном счете зритель.

Я начал свой рассказ с истории о том, как мне довелось быть подопытным «человеком» Зи-Би-Си впервые, ее рекламодателей. Они — подлинное хозяйство американского телевидения. В Соединенных Штатах шутят: что такое телевизионный спектакль, фильм, шоу? Ответ: небольшая пауза между двумя рекламными роликами. Эти ролики как раз и диктуют содержание «небольшой паузы». Вот почему вы почти никогда не увидите на экране американских телевизионных выступлений симфонического оркестра, серьезную драму, настоящую, а не «мыльную» оперу. Они «чутчюк» того, «чутчюк» в стороне от главной магистральной.

А с голубого экрана вместо подлинного лица страны, искаженного болезненной гримасой социальных недугов, на вас смотрит робот и суррогат, улыбаясь жеманной фортификацией вставной челюсти, отползающей до умопомрачительного блеска зубной пасты фирмы «Икс». «Игрек» или «Зет» — уравнивая с тремя известными, расфигуровавшимися как «американский образ жизни».

«счастье» — как бы малоинтересно о его общественном характере, указывает на необходимость сорочности». Если я не смогу «вовлечь» мир (пусть хотя бы в лице близких друзей) в круг своего счастья, поделиться с ними этим счастьем, то есть доставить им хотя бы частичку той радости, какую испытываю я, то я не смогу быть вполне счастливым. «Счастье личности вне общества», — заметил как-то Алексей Толстой, — невозможно, как невозможна жизнь растения, выдернутого из земли и брошенного на бесплодный песок, быть счастливым — значит уметь дарить другим богатства своей души, свои таланты, знания. Только «растравливая» себя вы сможете испытать чувство полноты, осмысленности собственного бытия в этом мире. Чего полноты может даже пожертвовать во имя людей, во имя высоких идеалов жизнью — и быть счастливым, принимая свое решение. Разумеется, при том непреходящем условии, что побуждение к такой жертве (как, впрочем, и вообще ко всякому дару, всякой траве) будет исходить «изнутри», глубоко уходить корнями в «природу» этого человека. Так вдруг обнаруживается тесная взаимная связь счастья и общественного долга, напряженность и сам характер которой определяются типом господствующих в обществе отношений. Без учета этих отношений счастья не понять. Потому что счастье не только живет в общественных отношениях, но и рождается в них. Одни из трагических противоречий капитализма как раз в том, что счастье, сохраняя свой общественный характер, добывается каждым в одиночку — зачастую в ожесточенной борьбе, грызье, в крови. «Счастье» наступает слепом на горло «долгу», а в итоге убивает свое общественно-гуманистическое начало и открывает путь для тирании «долга», который адски обнаруживает, что он вовсе и не долг, а воплощение воли господствующей верхушки. «Если взять нашу сегодняшнюю жизнь», — говорит в анкете Odd Тьерье Хаксенсен из Норвегии, — то мы увидим, что люди у нас разобщены, что каждый старается вскарабкаться к заветной цели любой ценой, иногда даже по телам ближних. Такого счастья себе я не желаю. Такого счастья и в самом деле не пожелаешь никому. Хаксенсен справедливо видит выход из положения в изменении характера общественных отношений: «Мы живем в капиталистической стране, а счастье всех возможно только при социализме». Быть может, сам того не ведая, молодой норвежец повторил слова Карла Маркса, сказанные им более ста лет назад: «Коммунизм — истинное счастье всего человечества».

Ни Маркс, ни его последователи вовсе не хотят этим сказать, что в духе плоского оптимизма, будто коммунизм (социализм) автоматически делает всех людей счастливыми. В конце концов даже в идеальных условиях счастья зависит от тебя самого. Но коммунизм как общественный строй имеет перед капитализмом уже не оспариваемое преимущество, что он создает объективные условия для счастья большего количества людей, чем когда бы то ни было прежде. Да и не только в количестве дела, хотя это тоже немаловажно. Социализм создает предпосылки для более содержательного счастья. Счастья, ориентированного, как иногда говорят сегодня, на более высокие «качества жизни», то есть на решение такого рода творческих задач, на такие жизненные цели и такое поведение, которые, как бы ни были, способны удовлетворить запросы человеческого существа, в частности развитого физического и духовно, обладающего тонким вкусом, разносторонними интересами, развитым сознанием и самосознанием, ставящего и решающего грандиозные задачи преобразования мира.

Однако и при социализме перед каждым, кто вступает в жизнь, всякий раз заново встает вечный вопрос — «как прожить счастливо».

«СИНЯЯ ПТИЦА» СЧАСТЬЯ

Счастье каждого человека, словно река, питается многими источниками и зависит от множества обстоятельств. Но не нужно забывать, что весьма существенная толка нашего счастья находится в нас (людях). — Э. Б. Рукс. В этих словах сирийского студента Ризакаллы Седивана немало правды. В наших руках счастье других людей, в их руках наше счастье, и, как это было подмечено не раз, трудно быть счастливым среди всеобщего несчастья. Не стоит, однако, истолковывать зависимость нашего счастья от внешних сил и обстоятельств в духе фатализма. Как и не стоит полагать, будто в подлинно свободном социалистическом обществе вся полнота ответственности за счастье каждого лежит на плечах государства.

Социалистическое общество, решив общественные задачи, создает тем самым объективные предпосылки для счастья каждого, а значит, и берет на себя определенную долю ответственности за счастье каждого. Заметьте:

не всю ответственность, а лишь определенную ее долю. Да иначе и быть не может, поскольку свободное общество предоставляет каждому право и возможность самостоятельно распорядиться этими объективными предпосылками и выбрать свою дорогу к счастью. А тем, где свобода выбора, там и ответственность за него. Об этом не мешай лишний раз напоминать: ведь случается, что люди (молодые и немолодые), у которых жизни не сложились, склонны вникать в это дело угодно — семью, школу, начальство... — только не себя. Что ж, иной раз бывает и так, что, восстанавливая справедливость, приходится спрашивать и с начальства, и со школы, и с семьи. И все же в большинстве случаев человеку, обнаружившему «несчастье», а то и пустоту собственной жизни, надо бы в первую очередь обратиться к себе самому.

В жизни так бывает, замечает в анкете Александр Алтынчик, что юдин на работе только и смотрит на часы, как бы скорее домой. Другой же трудится не столько ради денег, сколько ради идеи. Вот эту самую «идею», или, лучше сказать, конкретную цель, способную придать твоей жизни смысл и наполненность, и должен отыскать каждый человек. Найти счастье — это, в сущности, найти свое место в жизни, найти такое общепольное дело, которое и было бы тебе по плечу, и отвечало бы твоим вкусам и интересам, давало бы тебе возможность, как говорится, «полюбоваться» своей деятельностью. У советской молодежи, как и всех граждан нашей страны, — общая главная цель, но в рамках этой общей цели важно уметь определить свою жизненную цель, которая и заставила бы тебя, а не заставляла постоянно «смотреть на часы».

Конечно, для этого нужно научиться разбираться не только в окружающем мире, но и в самом себе. Как резонно замечает один из участников анкеты «Ревенскан» человек, который хочет почувствовать себя счастливым, «должен просто познать самого себя. Это нужно для того, чтобы обнаружить нити, соединяющие тебя и общество. Одного лишь самопознания для счастья, правда, столь же мало, сколь и для свободы. Но в качестве условия к определению настоящей цели и ее практическому осуществлению самопознание — один из важных и счастливых. Как и самосознание, точнее — развитие способности к счастью. Да, именно способности — умения радоваться жизни, отдаваться «души прекрасным порывам»... Эти качества не менее нужны для развития, чем, скажем, музыкальные, литературные и прочие задатки».

Смотрящий иной раз на деловито-сухих и «отрешенных» молодых людей с нагнанным выражением «государственной озабоченности» на лице, видишь, как человек делает из своей жизни «эпопею», и невольно вспоминаешь чеховского чепуховца Федула, который из обычных «футуляк», понтов, модного «кота» и стандартного «серого» костюма, но не меняет сути дела. Беленький, говорят, тоже бывает по-своему счастливым, когда достигает цели, но какое это жалкое, глуповатое счастье... Нет, непьющая сухость, ложная серьезность, искусственное подавление «души прекрасных порывов» не имеют ничего общего со служением великим целям и осознанием серьезности обстановки и стоящих перед обществом задач. Они обнадуют и уродуют человеческую жизнь не меньше, чем внутренняя и внешняя раскованность, легкомыслие и отсутствие «церы в голове».

Иногда невольно испытываешь в памяти образы великих proletарских революционеров. «Для знавших» Карла Маркса — вспоминаешь его младшую дочь Элеонору, — нет, более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и непреступным человеком. Напротив, близкие и товарищи знали его, продолжает Элеонора Маркс, как «самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с боющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразительным и неотразим, самого приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей...». И не случайно в упомянутой выше биографии Маркса портретом является изображение: «Ничто человеческое мне не чуждо». Вот это умение радоваться жизни и быть «человеком», а не «человеком в форме», в первую очередь, смысл слова и должны воспитывать в себе молодые люди нашего общества, стремящиеся к счастью.

Счастье не вещь, его, как и любовь, не запрешь, словно птицу, в клетку, чтобы любоваться со стороны. Любовь через страдание — явление нередкое в жизни. Но и путь к настоящему, богатому игрой света счастью тоже не всегда успешен розами. И потому, дорогой читатель, мне хотелось бы завершить наш разговор прекрасными своей правдой словами Писарева: «Всегда жизненная борьба уже превращается в сознательное стремление к определенному пределу, тогда человек может уже считать себя счастливым, хотя бы ему пришлось упасть и умереть на дороге...»

Слово «диск-жокей» еще не успел зафиксировать ни один словарь. Попробуем разобраться в нем. Диск — это пластина. Жокей — традиционно — наездник на скачках. В буквальном переводе выходит — «человек, скачущий на пластинках». Можно и иначе. По-английски «jockey» — еще и обманщик, плут. И это придает термину, так сказать, дополнительную окраску.

Западными радиослушателями, однако, не премудрено разгадать, что такое диск-жокей: это человек, комментирующий по радио программы поп-музыки. Диск-жокей — профессия популярная, потому что от человека в дикторской кабине зависит успех вещи, успех исполнителя. Это он раздает кому хулу, а кому славу.

Создается впечатление, что диск-жокей — вечная инстанция в подборе репертуара и формировании музыкального вкуса радиопублики. Это он авторитетно заявляет, что из хаоса ритмов и мелодий действительно заслуживает внимания, что соответствует сегодняшней музыкальной моде, а что нет — ведь нельзя же прослыть безнадеежно отсталым человеком! Потому и для педа нет ничего страшней, чем молчание диск-жокея. Вот тогда это действительно провал, еще более ужасный, чем самые разгромные статьи музыкальных критиков.

Ниже мы публикуем два материала. Первый — монолог Дона Аймаса, получившего первый приз американского музыкального журнала «Виброр» в категории диск-жокеев. Его откровения по части того, как и что он произносит между музыкальными номерами, достаточно показательны. Но вот какие это номера, почему он выбирает для передачи те или иные грамзаписи — об этом ни слова. Похоже, что эта сторона его совершенно не касается.

Кто же тогда занимается подбором репертуара, кто нацеливает диск-жокея на новинки поп-музыки? Об этом рассказывает во второй статье австрийско-германский журналист Р. Фулорф.

Вот здесь и выясняется, что «хозяин музыкальной программы» (так часто именует себя диск-жокей) — вовсе не хозяин. В пластиночном бизнесе хозяин тот, кто вкладывает в него деньги, — фирмы грамзаписи. И занятие это чрезвычайно выгодное. В ФРГ, например, годовой капиталоборот индустрии звукозаписи достигает трех с половиной миллиардов марок. Но, как говорится, при чем тут искусство?

ДЖОН ДОНАЛД АЙМАС: «СКАЧУ НА ЗОЛОТОЙ ЛОШАДКЕ»

Вы спрашиваете, как я работаю!

Моя программа начинается ровно в 6 утра. «On ray! Вас приветствует Аймас из Нью-Йорка. Сегодня первым номером идет незабвенный шедевр Элвиса-Пресли

Независимый от статуса все диск-жокеи записываются в одном: всегда преподаватель, а иногда и студент. А вот что актуальное всего, решают как раз и не они. Это решают за них радиостанции, программирующие вкус и требования молодых посетителей. Неиную молодежь вникать в это трудно, если и умудренные профессиональным опытом деятели радио и телевидения зачастую не догадываются, что сами они подвержены воздействию хитроумного механизма управления и контроля, созданного фирмами, выпускающими грампластины.

Механизм этот работает вот как. Из 50 долговозрающих и 100 обычных, еженедельно выбрасываемых на рынок пластинок определенная доля распыляется в рекламных целях бесплатно — журналистам, составителям программ на радио, и прежде всего городским и сельским диск-жокеям-членами.

Попробуйте представить себе положение такого сельского диск-жокея. Вот он получает от фабриканта лоток бесплатных пластинок. Да не дай ему бог ахнуть с регулярного и бесплатного притока новичков — ведь это основа его заработка (или прибавки). А ахнуть его очень легко — стоит только диск-жокею проявить непокорность, стоит ему, «независимому предпринимателю», вообразить себя действительно независимым и начать составлять собственные независимые программы.

Разумеется, строптивый диск-жокей не станет получать писем, где фабриканты черным по белому приговаривают лишить его своих даров (такую неосторожность фирмы не позволяют). Нет, его просто вычеркнут из картотек адресатов, то есть из списка получателей бесплатных пластинок. И с этого дня оные приходят перестанут... (Что с слушниками разделяются? Именно так, мне, подморгивая, признались ответственные сотрудники многих музыкальных фирм.) Если злуполучный диск-жокей к тому же не сам владелец дискотеки, он вскоре будет уволен: хозяин поинтересуется агента попомощи и порасторжит.

А оставшись без работы по профессии, он diskutiert задобавк вылетать и из «Немецкой организации диск-жокеев» (ДДО). Организация эта (с центром в Ахене) — один из самых действенных органов управления и контроля, созданных фабрикантами для наблюдения за диск-жокеями-членами. В ДДО самовольно распоряжается некий Клаус Керлинг. Он по собственному усмотрению принимает в объединение лямку злуту диск-жокеев и равно заботится о «добром поведении» членов этой компании, выдавая им номерной членский билет. А шансы на бесплатные постановки новичков имеет лишь тот, кто может предъявить этот выданный Керлингом членский билет (злые языки прозвали его исправкой о музыкальном яриском происхождении). Невозможно сообразить, что лишится такого билета боится не только неинный диск-жокей, но и владелец собственной дискотеки.

Другой способ надзора — контрольные листы проигрывания пластинок, которые каждый агент обязан вести для оплаты отчисления за проигрывание. Правильность ведения этой отчетности проверяется ревизорами.

Наконец, средства просты, но эффективны. Для диск-жокея-члена лишиться притока бесплатных пластинок или лицензии ДДО на право работы в дискотеке — смерти подобно. В этой сфере

контрольный механизм, созданный фабрикантами, работает безотказно.

Мещан и кулаков могущественная группа в мафии диск-жокеев от таких примитивных средств давления уже не зависит. Это какая-нибудь сотня составителей программы на радио. Диск-жокеи высшего класса предпочитают более звучные названия своей профессии — например, «модераторы», «коллега музыкальных пузат и т. п. И ставки их гораздо выше — от 2500 до 4 тысяч марок в месяц.

Казалось бы, опираясь на финансовую независимость радиостанций, они могут с полной непринужденностью составлять программы по своему вкусу. Однако в действительности репертуар шлагеров и хитовых пластинок и хитпарадов так же музукательно совпадает с очередным набором новинок, рекламируемых фабрикантами, как это происходит в провинциальных дискотеках.

Странным это может показаться только профану, да и то лишь на первый взгляд. Если присмотреться повнимательней, обнаруживается, что радиожокеи столь же зависят от фабрикантов, как и их сельские коллеги в транзисторах.

И многие признают эту зависимость открыто. Так, один из известных радиожокеев, Аце Шмидт с Гессенского радио, говорит: «Мы кричим и мы поем, но собственного мнения не имеем. Его коллега Ханс Феррес уточняет: «И не диво! Ведь у нас мало средств, чтобы заказывать музыку самим. Мы вынуждены обращаться к пластинкам».

Это верно. Только не мешает задать вопрос, почему, вместо того чтобы потрудиться в каталоге звукозаписи, всегда обращаются именно к новинкам, которые предлагают фабриканты для «продвижения»?

На то такие есть своя причина. Господство шлагеров-новинок основано на принципе отбора, практикуемом на всех радиостанциях. Дело в том, что составители музыкальных программ, диск-жокеи (или как они там еще называются), обязаны еженедельно знакомиться с новинкой, поступающей на так называемых «комиссиях по прослушиванию». Но прослушивать по 150 пластинок каждую неделю, разумеется, не способен никто (недаром комиссии эти получили в своем кругу прозвище «камеры пыток»). В результате выбор и здесь запрограммирован: для прослушивания выбирают названия или номера пластинок, уже знакомые радиожокеям. Они заранее эти номера позвали или в специальных журналах (немцы их называют «журналами»), либо в нотациях, которые регулярно рассылаются пресс-бюро фирм. В конце концов у радиожокеев вырабатывается почти автоматический условный рефлекс, как у собак в опытах Павлова. Так выбор репертура превращается в фарс.

На подбор «хитов» для очередного парада влияют, конечно, и письма радиослушателей. Почта обильна. Так, Гессенское радио (его аудитория равна 3—4 миллионным слушателям) получает на каждый хитпарад по 400—600 писем. А аргумент «слушатели пишут нам» в чести на всех радиостанциях. Между тем всякий радиожурналист знает, что письма отнюдь не выражают подлинного мнения аудитории, иными образами не отражают вкуса большинства слушателей. Напротив: они способствуют диктатуре дурного вкуса пишущего меньшинства.

Дело в том, что отлички на хитпарады по большей части пишутся членами «эф-

клубов», е их в ФРГ около тысячи. Я сам попался при случае в ловушку, быстро обнаружив себя одним из почтовых писем звания полковника «своей» звезды.

Финкулы — еще одно эффективное орудие в руках фабрикантов. Созданы они разнородными рекламными агентствами фирм грампластинок, и удобным поводом для того служат вечера автографов, гастроль звезд и тому подобные мероприятия. Так как финкулы есть клуб поклонников той или иной звезды, от членов его ничего, кроме поклонения, не требуется. Естественно, наибольшим количеством финкулов обзавелись те звезды, которые совершают частые туры по провинции.

Финкулы важная сила еще и потому, что у них есть собственная пресса: в ФРГ издается около 500 клубных газет. Газеты (как и сами клубы) живут в основном за счет субсидий — скрытых (в них печатают коммерческую рекламу) и прямых. И все 500 газет непереставно трубят: пишите в поддержку ваших звезд и в ее новой пластинки. Пишите в нашу газету и на радио.

Бравые клубняны следуют этим призывам. Они пишут! Ведь довелось им как разок встретиться лично с великой звездой, и посему чувствуют они себя возведенными в дворянское звание. К тому же они непреклонным образом убеждены, что обладают верным музыкальным вкусом: стоит включить радио, и в эфире звучат как раз те мелодии, которые они просят. Круг замкнулся.

Фирмы не стесняются и в открытую подкупать людей, от которых зависят рекламного или иного шлагера, — крупных диск-жокеев, руководителей радиопрограмм и т. д. Мне известен такой пример: несколько лет назад одна фирма, выпускающая пластины, оборудовала частные автомобили лад ведущих радиожокеев полными стереофоническими установками (разумеется, бесплатно, в виде «подарка»). А начальнику музыкального отдела Сварского радио, Раймунду Гессу, фирма пластинок BASF пыталась преподнести роскошный холодильник.

Для того чтобы все выглядело, так сказать, в рамках хорошего тона, фабриканты шлют презенты и авторам критических статей. Это просто-да дань связям фирм с общественностью («паблик рилейшнз»), знак уважения к прессе и к средствам массовой информации вообще. Шкала подарков простирается от авторучки до ящика вина на рождество или на день рождения. С одной стороны, фирма демонстрирует свое беспристрастие и бескорыстие, а с другой — вдруг клонит! Тогда фирма подписывает еще и еще...

Конечно, разнородные зарекающиеся музыкальных автоматов такими злкими внимания не изоблажены. Это, так сказать, пехтура мафии диск-жокеев. Но и ее действительность вполне окупается. В счетных устройствах автоматов запрограммированный вкус публики находит непосредственный цифровой отрицание, приносит фирмам желаемый доход. А какие пластинки при перезаезде автоматов следует изымать и какие новые вставлять, это зарекающиеся знают заранее.

Словом, успех гарантирован: спустя неделю после появления в первом хитпараде новый хит идет уже в десятке музыкальных автоматов, в магазинах он нарастает, в других магазинах карбикется все выше и выше, гремит в дискотеках... Карусель вертится безостановочно.

Перевел с немецкого А. ЧЛЕНОВ

А КТО Я ТЕПЕРЬ?

РАССКАЗ

Курт ВОННЕГУТ-младший

„Клуб Парика и Маски» — наш любительский театраль-
ный «р-жон» в Северном Кроуфорде — единогласно ре-
шил поставить этой весной «Трамвай «Желание» Теннесси
Уильямса. Дорис Соулер у нас всегда была за режиссера, но
на этот раз заявила, что ничего не получится — у нее серьез-
но больная мать. Вот и вышло, что эту руководящую долж-
ность, навязали мне, хотя то с тех пор мне приходилось руко-
водить только рабочими, устанавливавшими комбинирован-
ные алюминиевые рамы со ставнями, которые я продавал.
Конечно, я поставил кое-какие условия, когда брался за ре-
жиссерскую работу, и самое главное, чтобы Гарри Нэш —
единственный стойкий актер в нашем кружке — взял ту
роль, которую играл Марлон Брандо. Когда распределили
роли, Гарри отсутствовал, и я не знал, возьмется ли за эту
роль или нет. Он вообще никогда не приходил на наши
собрания. Стеснялся. Не то чтобы он пропускал собрания
из-за каких-то там дел. Женат он не был и вообще с жен-
щинами не задался — да и среди мужчин у него друзей не
было. Просто он избегал всяких сборищ по одной причине:
он не мог двух слов связать без готового текста.

Так что пришлось мне на другой день тащить в скобя-
ную лавку Миллера — Гарри у него клерком работает — и
попросить его согласия. По дороге я заглянул на телефонную
станцию — они мне прислали счет за разговор с Гомолулу,
и в жизни своей не зноил я Гомолулу.

Там я и увидел эту красивую в первый раз. Она сидела
на окошечке. И она мне объяснила, что телефонная ком-
пания поставила машину-автомат для выписывания счетов, но
пока эту машину не отладили как следует и она что-то пош-
шалаивает. Она приехала недавно — привезла эту машину и
должна была обучить местных девушек с ней управляться.

— А вы к нам надолго? — спросил я.

— В каждом городе я живу месяца по два, сэр.

Глаза у нее были синие, прелестные глаза, только ни на-
дежды, ни любопытства в них не было, ни проблеска. Она
мне сказала, что так вот и странствует из города в город
уже два года — всегда и всем чужая.

И тут мне пришлось в голову, что ведь она может сыграть
Стеллу в нашей пьесе. Стелла — это жена того тпа, кото-
рого играет Марлон Брандо, жена человека, чью роль я хо-
тел поручить Гарри Нэшу. Я объяснил ей, когда и где у нас
назначены актерские пробы, и прибавил, что своим прихо-
дом она ошастивит наш коллектив.

Она так удивилась, что даже немного ожила.

Знаете, ведь мне первый раз в жизни предлагают при-
нять участие в каком-то общем деле.

— Что же, — сказал я, — лучший способ сразу познако-
миться со славными людьми — это сыграть с ними в одной
пьесе.

Она сказала, что ее зовут Элен Шоу. Сказала, что сделает
сюрприз мне и себе самой. Может, просто возьмет да и
придет.

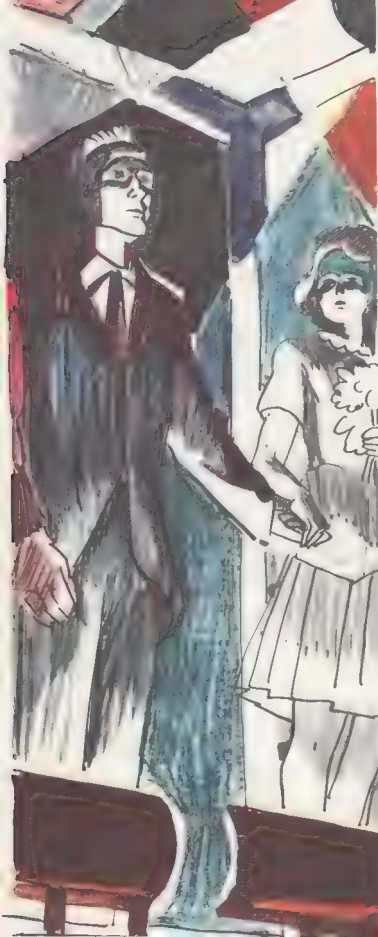
Вы, наверное, думаете, что Гарри Нэш уже оскомину на-
бил всему Северному Кроуфорду, играя чуть ли не в каж-
дой пьесе. Совсем наоборот: не исключено, что Северный
Кроуфорд до окончания веков будет с удовольствием смо-
треть на Гарри Нэша, потому что на сцене он никогда не
был Гарри Нэшем. Когда в спортивном зале средней шко-
лы извивался вверх малиновый занавес, Гарри и телом и ду-
шой превращался в того человека, которого выдумал автор
и создал режиссер.

Как то-то заметил, что надо бы Гарри показаться пси-
хиатру: пора бы ему стать более интересным, ярким и в
жизни — тогда она, по крайней мере, хоть женится, а мо-
жет, и работу себе подыщет получше, чем эта писанина у
Миллера за пятьдесят долларов в неделю.

Когда я зашел к Миллеру и сказал Гарри, что меня на-
значили режиссером и я хочу дать ему роль, он спросил, как
обычно, когда ему что-нибудь предлагал роль, и, по правде
сказать, это был грустный вопрос.

— А кто я теперь?

Актерские пробы я проводил, как всегда, в зале собра-
ний на втором этаже нашей Публичной библиотеки. Дорис

Собой — наш бывший режиссер — пришла поделиться со мной своим богатым опытом. Мы с ней вполне важно поссодали наверху, а те, кто претендовал на роль, ждали внизу.

Чтобы доставить удовольствие Гарри — да и самим себе тоже, — мы попросили его читать сцену, где он был своей женой. И он так за это взялся, что мы будто увидели повую сцену, которой у Теннесси Уильямса и в помине не было. На Гарри был коротенький двубортный пиджачок, как у выпускника средней школы, со складочкой на спине, и крохотный галстучек красного цвета с лошадиной головкой. Он снял пиджак и галстук, расстегнул воротник, повернулся спиной к нам с Дорис — это он начинал себя, чтобы войти в роль. И рубашка на спине у него лопнула — хотя с виду она была совершенно новая. Это он ее нарочно порвал, чтобы с самого начала еще больше походить на Марлона Брандо.

Когда он обернулся к нам, это уже был широкоплечий красавец, самоуверенный и жестокий Дорис подавала реплики за Стеллу, его жену, и Гарри так ее закрутил, что эта очень-очень старенькая леди почувствовала себя очаровательно-ременной девочкой, чей муж, необузданный, как горилла, вот-вот расшибет ей голову. А с ней это и на меня перекинулось. Я читал за Блэнш — по пьесе это сестра Стеллы, — и провалялась мне, если Гарри не нагнал на меня такого страха, что мне показалось, будто я сам стал потренированной красавицей-жюкванки.

В то время мы с Дорис приходили в себя, словно просыпаясь после сна. Гарри положил на стол пьесу, натянул пиджачок и снова превратился в бледного клерка из кабинной лавки.

— Ну как, как я, справился? — спросил он, и сразу было видно, что он вовсе не уверен, давал ему эту роль или нет.

— Что ж, — сказала я, — Для первого раза не так уж плохо.

— Спасибо! — сказал он, пожимая мне руку.

— Скажите, вы там, внизу, не видели красивую девушку, маленькую? — спросил я. Я ждал Элен Шоу.

— Не заметил, — сказал Гарри.

Но оказалось, что Элен Шоу пришла-таки на репетицию и вдребезги разбила наши с Дорис надежды. Мы мечтали, что на сцену «Клуба Парика в Мэксикэ» в кон-то веки выпустят на сцену по-настоящему красивую, взаворающую молодую девушку вместо очередной выдвинутой виллы сокровищницы особы, которую приходится всеми правдами и неправдами выдвигать за девушку.

Но Элен Шоу играть не могла даже под страхом смерти. Что бы мы ей ни давали читать, она оставалась той же барышней с той же самой улыбкой наготове для каждого, кто придет на телефонные счета.

— Милая, — сказала Дорис, — я хочу задать вам один интимный вопрос.

— Пожалуйста, — сказала Элен.

— Вы когда-нибудь были влюблены? — спросила Дорис. — Я только потому спрашиваю, — добавила она, — что вспоминаю о любви могло бы вас согреть, оживить.

Элен сдвинула брови и глубоко задумалась.

— Вы знаете, я ведь все время и развела. И там, где я бываю по службе, все мужички уже женаты, а я нигде не задерживаюсь надолго и ни с кем другим познакомиться не успеваю.

— Ну а в школе? — спросила Дорис. — Разные там обожатели и детские влюбленности, э?

Элен и над эти вопросы глубоко задумалась и сказала:

— А мне и в школе приходилось то и дело переезжать. Пала у меня стрелочник, он все время ездил со стройки на стройку, так что я то с кем-то здоровалась, то прощалась... и все.

— Да-а, — сказала Дорис.

— Оказалось, не в счет? — спросила Элен. — Нет, конечно, не взавораля. Я никого не видела — только на экране.

Дорис взглянула на меня, потом на потолок.

— Да-а, пожалуй, можно считать, что это тоже любовь.

Тут Элен несколько оживилась.

— Я по многу раз смотрела фильмы про любовь и мечтала, что выхожу замуж за героя.

— Угу, — сказала Дорис.

— Большое спасибо, мисс Шоу, — сказал я. — Пройдите вниз и подождите вместе со всеми. Мы вас вызовем.

Пришлось искать другую Стеллу. Но мы было так — просто не было в нашем клубе ни одной такой женщины, с которой бы жизнь не представляла утешительную росу. Я вздохнул.

Она сползнула Блэнш — то есть, я хотел сказать, что у нас полно уводящих женщин, которые могут сыграть роль Блэнш, увидевшей сестры Стеллы. — Такова жизнь! — двадцать Блэнш на одну Стеллу.

— А когда находишь Стеллу, — сказала Дорис, — обнаруживается, что она понятия не имеет о любви.

Мы с Дорис решили, что надо попробовать последнее средство. Надо заставить Гарри Назма сыграть эту сцену с Элен.

— Может, он сумеет зажить ее хоть чуть-чуть, — сказала я.

— Эта девушка — негорючий материал, — ответила Дорис.

Мы прикинули Элен, чтобы она подыграла к нам, и послали кого-то разыскивать Гарри. На пробах — и даже на репетициях — Гарри никогда не оставался со всеми. Как только кончались его реплики, он мгновенно скрывался в какое-нибудь убежище, откуда ему было слышно, если позовут.

Элен подыграла к нам наверху, и тут мы с удивлением увидели, что она вся в слезах, — стало ужасно ее жалко.

— Господи, — сказала Дорис, — да что же это, милочка, что случилось?

— Ужасно, правда! — сказала Элен, не поднимая головы.

Дорис ответила единственной фразой, которой утешают в таких случаях расстроенных актеров-любителей.

— Ну что вы, дорогая, вы... вы чудесно сыграли.

— Глупого подобного, — сказала Элен, — Я холодный холодыня, сама знаю. — Она расплакалась еще горнее. — А что я могу поделать, если у меня такая жизнь? Я только и знала, что мечтать о кинозвездах, как идютка. А когда я встречаю славного человека в жизни, я вдруг чувствую, словно меня пощипали под стеклянный колпак, и, как бы я ни рвалась, мне даже и дотронутся до этого человека нельзя.

И Элен оттолкнула что-то, словно и вправду ее окружал стеклянный колпак.

По лестнице кто-то гулко затовал. Похоже было, что вода залы выбрасывает из бездны в своих ботинках, подкованных санями. Это Гарри Назма на ходу превратился в Марлона Брандо. Вот он показался в дверях — руки у него свесились чуть не до самого пола. Он уже настолько вошел в роль, что при виде плачущей женщиной презрительно скривил губы.

— Гарри, познанокомте, пожалуйста, — сказал я, — это Элен Шоу. Элен — Гарри Назма. Если вы будете играть Стеллу, он будет вашим мужем.

Гарри и не подумал пожать ей руку. Он сунул руки в карманы, набившись и окинул ее с ног до головы таким взглядом, будто сразу содрал с нее всю одежду. Слезы у нее высохли в мгновение ока.

— Хотелось бы, чтобы вы сыграли сцену ссоры, — сказала я. — А потом — сцену примирения.

И Элен, что примечательно, не спуская глаз с Элен. От этого взгляда одежка на ней испарилась так быстро, что она и прикрыться не успевала. — Идет, если Стелл не будет ломаться.

— Что? — сказала Элен. Она стала красная, как помидор.

— Стелл — Стелла, — бросила Гарри. — Это вы Стелла, моя жена.

Я раздал им тексты. Гарри выхватил у меня роль и «спасибо» не сказал. У Элен руки что-то не слушались, и мне пришлось вложить тетрадь в ее онемевшие пальцы.

— Что тут можно выбросить? — спросил Гарри.

— Что? — я не понял.

— Тут в одном месте нависаю, что я выбрасываю из окна приманик, — сказал Гарри. — Что бросать?

Я сказал, что примаником будет жезловое пресс-лапье, и открыл окно пошире. Элен Шоу перепугалась до смерти.

Откуда начинать? — спросила Гарри, повея слезами, и мышью у него заходили ходуном, как у боксера, разминающегося перед боем.

— Начните на несколько реплик равнее того места, где вы бросаете приманик, — сказала я.

— О'кэй, о'кэй, — сказал Гарри, а сам все раскалялся, раскалялся. Он прожегал глазами ремарки. — Так-так, — сказал он. — Я выброшу приманик, она побегит за сценой, я ее догону и врежу ей разок.

— Верно, — сказала я.

— О'кэй, детка, — сказал он Элен, и глаза у него сузились в щелчки. — Ну, так! Внимание, крошка! Пошли!

Когда сцена кончилась, Элен Шоу была вся в поту, как портовый грузчик, и обмякла, как угорь без воды. Она села, приоткрыв рот, и голова у нее свесилась набок. Разлетелся вдребезги тот стеклянный колпак, под которым она чувствовала себя в целостности и сохранности. Какой там колпак!

— Дашь роль или нет? — зарычал на меня Гарри.

— Даю, — сказал я.

— Лавно бы так... — проворчал он. — Ну, я пошел... До скорого, Стелла, — сказал он Элен и вышел, изю всех сил грохнув дверью.

— Элен? — позвал я. — Мисс Шоу?

— Мм? — сказала она.

— Вы будете играть Стеллу, — сказал я. Это гарантионо!

— Да? — сказала она.

— Не знала, что в вас столько огня, милочка, сказала Дорис.

— Опять? — повторила Элен. По-моему, она еще не соображала, что под ней стучит или мустанг.

— Ракета! Феерьерк! Ведьмино колесо! — сказала Дорис.

И вот мы начали репетировать по четыре раза в неделю В первую же репетицию Гарри с Элен задали такой темп, что

измотало всех участников, когда те были увлечены как никогда. Обычно режиссер ходит и ухаживает всех учить роли, но мне об этом заботиться не приходилось. Гарри и Элен работали так здорово, что все остальные считали делом чести и совести поддаться им и старались воссоздать.

Мне здорово повезло — по крайней мере, я так считал. Все шло блестяще, с такой отдачей и накалом, что как то мне пришлось сказать Гарри и Элен после охоты любовной сцены:

— Знаете, надо сдерживать огонь немножко. А то вы оба до премьеры не дотянете, понятно?

Я это сказал на четвертой или пятой репетиции, и рядом со мной в зале сидела Лидия Миллер — она играла Блэнш, ушедшую сестрицу. В жизни она была женой Верии Миллера. Верия — владелица миллеровских скобяных лавок и хозяйка Гарри.

— Лидия, — спросила я. — Ну как, есть спектакль?

— Спектакль-то есть, это точно, — ответила она. Но она сказала это с таким выражением, будто я натворил бог знает чего, будто совершил преступление. Можете гордиться?

Что вы хотите сказать? — спросил я. Место казалось, что я внаглую рываюсь и гордился. — Разве что-то произошло за моей спиной?

— А вы не заметили, что эта девушка влюблена в Гарри?

По песне? — спросила я.

— При чем тут песня! — сказала Лидия. — Вы только посмотрите на нее — сейчас-то никакого спектакля нет. — Она невесело усмехнулась. — Это песню ставите вовсе не вы.

— А кто же? — спросила я.

— Мать Природы, а она уж спуску не даст, — сказала Лидия.

Только подумать, что станется с бедной девочкой, когда она поет, какой Гарри на самом деле. Но она сразу же поправила себя — То есть пометит, что он низкий.

Я вмешиваться не стал — решил, что не мое это дело. Я слышал, как Лидия пыталась что-то предпринять, только ничего у нее не вышло.

— Знаете, — сказала Лидия Элен однажды вечером, — я как-то играла Эйн Рутледж, а Гарри был Авраамом Линкольном. Элен всплеснула руками.

— Это был рай, да?

— Более или менее, — сказала Лидия. — Порой я настолько увлекалась, что любила Гарри так, как Эйн должна была любить Авраама Линкольна. Приходилось себя одергивать, вспоминать, что Гарри никогда в жизни не будет осматривать работы, и что он, конечно-наверное, изрядно лавке моего мужа.

Он самый изумительный человек на свете, — сказала Элен. — Я никогда таких не встречала.

— Но, конечно, когда играешь вместе с Гарри, нужно заранее быть готовой к тому, что случится после окончания последнего спектакля, — сказала Лидия.

— О чем вы говорите? — спросила Элен.

— Когда представление окончено, — сказала Лидия, — то все, что бы вы там себе ни выдумали про Гарри, — все исчезает как сон.

— Не верю, — сказала Элен.

Тут Элен вдруг обиделась, — согласилась Лидия.

— А зачем вы это рассказываете мне? — спросила она. — Даже если это чистая правда, мне-то какое дело?

— Я, я не знаю — Лидия явно пошла на потопытый. — Мне... мне просто показалось, что вам это будет интересно.

— Ни капельки, — сказала Элен.

И вот подошла премьера. Мы показывали спектакль три вечера подряд — в четверг, пятницу и субботу, и все зрители были прямо-таки сражены наповал. Они ловили каждое слово, верили всему, что происходило на сцене, и, когда малюный занавес пошел вниз, их можно было тепленькими вестн в желтый дом следом за Блэнш, ушедшей сестрицей.

В четверг девушка из телефонной компании прислала Элен двенадцать алых роз. Элен вышла на вызовы к краю сцены, взяла розы и выбрала одну — для Гарри. Но когда она обернулась и протянула ему розу, Гарри уже исчез. Это была дополнительная сцена под занавес — девушка, протгивающая розу никому, в никуда.

Я пробежал за кулисы, отыскал ее — она все еще сжимала в руке эту розу. Букет она куда-то забросила. В глазах у нее стояли слезы.

— Что я ему сделала? — спросила она меня. — Разве я его чем-нибудь обидела?

— Да нет, — сказал я. — Это у него такая манера. Как только спектакль кончается, Гарри ударяет по всех ног.

— А завтра он тоже исчезнет?

— Не самая грима.

— И в субботу? — спросила она. — Он же должен остаться на банкете — банкет ведь для всей труппы?

— Гарри в жизни не ходил на банкеты, — сказал я. — После того как дадут занавес в субботу, никто не увидит Гарри до

понедельника, когда он придет на работу в свою лавку — Какая жалость! — сказала она.

В пятницу Элен играла намного хуже, чем в четверг. Видно было, что она думает о чем-то другом. Она видела, как Гарри ушел после покलों. И не сказала ни слова.

Зажел в субботу она превзошла самое себя. Как правило, темн заходила Гарри. Но в субботу ему пришлось поднажать, чтобы утратить за Элен.

Когда занавес опустился после всех вызовов, Гарри собирался смириться, но ничего не вышло. Элен не отпускала его руку.

Ну, мне пора идти, — пробормотал он.

— Куда? — спросила Элен.

— Ну, домой, — сказал он.

— Прощу вас, если можно, пойдите со мной на банкет, — сказала Элен.

Гарри ужасно покраснел.

— Боюсь, что для банкетов я не годюсь, — сказал он.

Куда делась Марлон Брайдо! Язык его не слушался, сам он стал робким и перепуганным словом, он стал тем Гарри, каким всегда был в променах между песнями, — и это знал весь город.

— Хорошо, — сказала она. — Я вас отпущу. Но сначала дайте мне одно обещание.

— Какое? — спросил он, и я подумал, что, если она сейчас отпустит его руку, он выскочит в окно.

— Я хочу, чтобы вы обещали подождать здесь, пока я принесу вам подарок.

— Подарок? — повторил он, окончательно впадая в панику. Он дал слово. Без этого она бы не отпустила его руку. И он с несчастным видом стоял на месте, пока Элен ходила в гриммерную за подарком. Пока он дождался, люди все подходили и подходили к нему, повторяя, что он замечательный актер.

Но поздравления его не радовали. Он хотел одного — выбраться отсюда, и поскорее.

Элен вернулась с подарком. Она принесла маленькую синюю книжечку с широкой алой лентой вместо закладки. Это был Шекспир — «Ромео и Джульетта». Гарри не знал, куда девать ее. Ему удалось выдать за себя только «спасибо».

— Я тут отменяла мою любовную сцену, — сказала Элен.

— М-м-м, — сказал Гарри.

— Вы не хотите посмотреть, какую сцену я больше всего люблю? — спросила она.

Пришлось Гарри открыть книжку там, где была алая лента. Элен подошла к нему совсем близко и прочла слова Джульетты:

— «Зачем ты здесь и как сюда пришел? Ограда приступно высоко, за ней же — смерть, коль кто-то из родных тебя узнает».

Она показала на следующую строчку.

— Ну-ка взгляните, что отвечает Ромео.

— «Крылатая любовь перелезла меня через ограду громко прочел он своим обычным, будничным голосом. Но вдруг он весь преобразился. — Для любви нет стен недоляемых; любовь — всегда дерзавые, и она ввергает не знает. Всей твою родню мне не удержат, — прочел он и выпрямился и стал на восемь лет моложе, стал смелым и радостным».

— «Но если они тебя увидят — то убьют», — сказала Элен и потихоньку повела его за кулисы.

— «Увы! Твои глаза опасней сотни шагов», — сказал Гарри.

Элен повела его к служебному выходу.

— Взгляни поласковей, и все враги на свете со мной не сдвинут», — сказал Гарри.

— «Я все бы отдала, чтобы они тебя не увидели», — сказала Элен, и это были последние слова, которые до нас донеслись.

На банкет они не пришли. Через неделю они поженились. Видно было, что они очень счастливы, хотя по временам порождало что-то странное — все зависело от песни, которую они читали вместе в это время. Как-то и зашел в телефонную контору машина опять выписывала адюльтерские сцены. Я спросил Элен, какие песни они с Гарри читали в последние время.

— На той неделе я была злужим за Отелло, меня любил Фауст и похитил Парис. Скажите, разве я не самая счастливая женщина на свете?

Я сказал, что тоже так думаю и что большинство девушек в нашем городе думают то же самое.

— Им никто не мешал, — сказала она.

— Многие не вынесли бы острых ощущений, — сказал я. Потом добавил, что меня просили поставить еще одну песню.

Я спросил, можно ли пригласить ее и Гарри. Она ослепительно улыбнулась и спросила.

— А кто мы теперь?

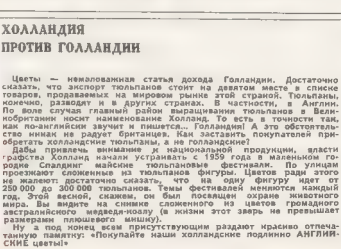
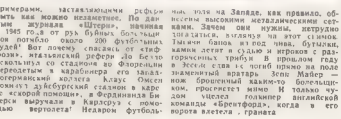
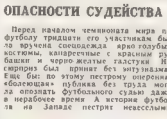
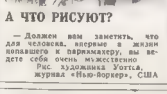
ВИКИНГИ ПО ВЫХОДНЫМ

Когда раздается низкий и хриплый рев буйволового рога, это значит — можно сходиться. Такой ритуал придумал лондонец Питер Сеймур, президент клуба «Слава викингам». В староравнение времена эти скандинавские концерты совершали дальние кибитки и не знали себе равных в рукопашном бою. Прочтя об их подвигах, волосопедный мастер П. Сеймур потерял покой. Неужели превратится в славу традиции!

Дабы этого не случилось, Питер организовал клуб «Слава викингам». Поначалу туда удалось вовлечь лишь шестерых приятелей. А сегодня клуб насчитывает уже три десятка человек, а том числе туда принята 19-летняя студентка из Франции Шанталь Зерруи, прогнавшая недюжинное дарование в фехтовании на дубинках. Члены клуба регулярно сходятся по субботам стена на стену, одетые в доспехи (для удобства они сделаны не из железа, а из пластмассы: легче носить), с мечами, щитами и булавами в руках. Кроме этих спортивных мероприятий, поклонники викингов снимают любительские фильмы, читают вслух саги и пытаются воплечь в свое движение новых энтузиастов. В планах «Славы викингам» — морское путешествие на обшитых шкурами судах по маршруту Англия — Исландия — Гренландия. Длинной цепи собирают со зрителя их эмальевых баталий в лондонском парке небольшую избу. «Шнуры сейчас сильно вздорожали», — уточнил президент П. Сеймур.

ШОУ КЛИНТА ШОУ

Клинт Шоу достиг своей цели — стать знаменитым. Он первый гражданин Соединенных Штатов, переселивший страну на родео-ных конях. Шоу рассчитывал пройти 5000-километровый марафон за 66 дней, но графика событий не удалась: слава бежала вперед. Товарищеская скукой провинциалы устраивали его часть летних торжеств. А мир города Флоры провозгласил его почетным гражданином. Поэтому Шоу целые сутки дежачил — бесплатно! — в местной больнице от расстрелянных собак и похитителей.

А ЧТО РИСУЮТ?

— Должен вам заметить, что для человека, впервые в жизни попавшего в парикмахера, вы ведете себя очень мизантропно. Рис. художника Уотса, журнал «Нью-Йоркер», США

ОПАСНОСТИ СУДЕЙСТВА

Перед началом чемпионата мира по футболу тридцать его участников было вручено своеобразная арно голубые костюмы, канареечные с красным рубашки и черные жемчужные галстуки. Но спортив был принят без энтузиазма. Еще бы! по этому пестрому оперению «блещущая» публика без труда могла опознать футбольного судью даже в перерыве времени. А история футбола на Западе пестрит неслыханными

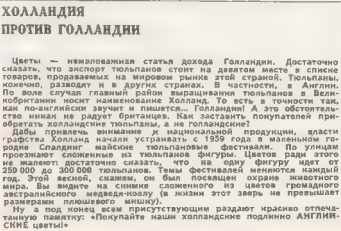
примерами, заставающими рефери быть как можно незаметнее. По даным журнала «Штерн», начиная с 1945 года от роз буйных болельщиков потребовали около 200 футбольных судей! Вот почему слезались от тифоза, итальянский рефери Де Бетто ухаживал со стадионе во Флоренции переодетым в парикмахера его замаскированный коллега Клаус Омелс покинул дзюбский стадион в марте «скорой помощи», а Фердинанд Би верси вырвался в Нью-Йорк с помощью вертолета! Недавно футболь-

ХОЛЛАНДИЯ ПРОТИВ ГОЛЛАНДИИ

Цветы — немаловажная статья дохода Голландии. Достаточно сказать, что экспорт тюльпанов стоит на девятом месте в списке товаров, продаваемых на мировом рынке этой страны. Тюльпаны, конечно, разводят и в других странах. В Англии. По воле случая главным районом выращивания тюльпанов в Великобритании носит наименование Холланд. То есть в точности так, как по-аглийски звучит и пишется... Голландия! А это обстоятельство никак не радует британцев. Как заставить покупателей приобрести голландские тюльпаны, а не голландские?

Дабы привлечь внимание к национальной продукции, власти Голландии начали устраивать с 1959 года в маленьком городке Спалдинг мажиские тюльпановые фестивали. По улицам прозевают сложенные из тюльпанов фигуры. Цветов ради этого их делают достаточно сказать, что на одну фигуру идет от 250 000 до 300 000 тюльпанов. Темы фестивалей меняются каждый год. Этой весной, скажем, он был посвящен охране животного мира. Вы видите на снимке сложенного из цветов громадного австралийского медведя-коала (в жизни этот зверь не превышает размеров площеющей мышки).

Ну а под конец всем присутствующим раздадут красиво отпечатанную памятку: «Покупайте наши голландские подлинно АНГЛИЙСКИЕ цветы»

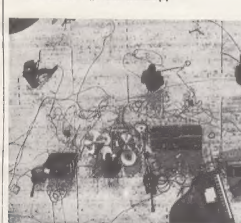

Поколения иностранных туристов любовались несметными стадами голубей на площадях Венеции. Но мало кто из них отдавал себе отчет в том, чем приходится расплачиваться городу-музею за сохранение этой живой достопримечательности. Голубиный помёт медленно, но верно уничтожает барельефы и скульптуры на фасадах старинных зданий. Как будто мало Венеции других бед... В последние годы «живучесть» Адриатик усиленно разбедает ее традиционные враги — отравленные промышленными отходами вода и воздух. Рядом с городом вырос крупнейший в Италии нефтехимический комплекс. Его соединили — вопреки протестам ученых — каналом с морем, из-за чего при приливе в венецианскую лагуну поступает дополнительно 30 миллионов кубометров морской воды. Результат: за последние полвека город страдал от наводнений 46 раз (за предыдущие пять десятилетий — лишь семь раз). К тому же из-за откисания подземных пресных вод Венеция осела за последние 25 лет на 10 сантиметров. Сейчас под угрозой гибели находятся 650 старинных зданий. На всемогущих хозяев нефтехимических заводов, душащих Венецию, управа пока не найдена. А голуби? Оказалось, что и их не так просто выжить отсюда. У пернатых диверсантов есть мощные покровители — отвики, сбывающие птичий помёт. Они всеми мерами тормозят решение «голубиной проблемы». Теперь, наконец, дело шло к мертвой точке. Городские власти приступили к постепенному отлову и выселению птиц из Венеции. Их будет ставлено ровно столько, сколько нужно для тех, кто признает в Венеции фототрафарировать с голубями

ПЕРНАТЫЕ ДИВЕРСАНТЫ

АРСЕНАЛ «ПОП-ЗВЕЗД»

Какова техническая оснащенность современной ансамбли поп-музыки? «Битла» обзавелась мини-музом. «Западному» соратнику для одних гитар уже мало. Рекордсменами здесь можно считать английское трио «Эммерсон, Лейк и Палмер» (ЭЛП). Общий вес их инструментов и оборудования — 35 тонн; обслуживающий персонал — от главного инженера до бия, подкасающего воду разгоряченным артистам, — 60 человек; монтаж технических устройств на сцене и в зале перед началом концерта занимает семь часов. Если выступления некто «Роллинг стоунз» называют карнавальным буйством, то для концертов ЭЛП обычно казачьи газетчики пока не нашли подходящего определения. Писатель Кейт Эмерсон, гитарист и певец Готт Лейк и ударник Карл Палмер призваны на помощь музыке кинокартин, неожиданные звуковые эффекты вой и крика кружащего самолета, треск пулеметных очередей — и... дымные шапки, рвущиеся прямо на сцене. «Но музыка для нас важнее техники», — говорит Кейт Эмерсон, и немало удаляю журналистов, добавляет: — И являюсь им не авангардист, потому что они не будут в слушателе чувства. Скорее нас можно сравнить с фокусниками, позволяющими публике участвовать в трюках».

МНЕНИЯ. Если на свете еще и существует место, где не признают теорию эволюции Дарвина, то это, конечно, Дейтон в штате Теннесси. Городок этот печально знаменит своим «обезьяниным процессом». Тогда, в 1926 году, разъяренные обыватели именем закона запретила преподавать в школах города теорию происхождения видов, заявляя, что человека создал бог, и все тут. Правнук ученого, лондонский биолог Фрэнсис Дарвин, решил в этом году попытаться переубедить дейтонов и привез им фильм «Путешествие Чарльза Дарвина». После просмотра была устроена дискуссия. Закрывая ее, председатель сказал, обращаясь к Фрэнсису Дарвину: «У нас нет сомнений, что создал этот мир бог, но, видимо, делал он это в соответствии с законами эволюции. Публика расходилась довольная».

ЖИТЬ НА ЛУНЕ?

Таким представляет лунный город известный американский фантаст Айсен Азимов. Писатель считает, что наш естественный спутник может стать лабораторией. Отсутствия огромной атмосферы, например, создаст идеальные условия для наблюдения за космическими телами, а структура лунной поверхности подсказывает астрономам ответы на многие вопросы о происхождении и развитии солнечной системы. Хватит здесь работы и для физиков, химиков, биологов и геологов. Айсен Азимов предлагает поместить в будущее лунные «академгородки» под поверхность нашего естественного спутника, чтобы убежать ученых от поспешной высадки на луну, резкого перепада температуры и метеоритного дождя. Что касается трудностей, с которыми придется столкнуться жителям станции, — снабжение воздухом, водой, пищей, — то они разрешимы уже при нынешнем уровне развития науки и техники. Кроме того, человеку, приспособившемуся к жизни в таких условиях, гораздо легче будет потом переключиться на режим длительного космического путешествия.

ТОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ «ШОКИНГ БЛЮ»

М. ФРИД

Ч тобы диск-жокеи попадали впросак, такое случается не часто. Старая формула — «Все знает только господь бог» — в мире поп-музыки идет с добавлением: «...и диск-жокеи». Надо было бы видеть этих самоуверенных поп-музыкальных пастырей, которые не лежат в карман за словом, чувствуют себя перед микрофоном на радио в час очередной своей передачи поистине как на церковном амбоне — торжественно и синхронично, выше всех, надо было бы видеть их смтение, когда вдруг попались «темная лошадка» и было просто неизвестно, какой комментарий пускать в эфир. Песня называлась «Венера». Исполнял ее ансамбль «Шокинг блю». После первых же проговоров по радио редакции развлекательных программ в Европе и Америке получили лавину заявок на ее повторные исполнения. Явный симптом успеха. По всем правилам полагалось бы теперь подробно рассказать об исполнителе, объективно, можно чуть иронически, но и с отеческим напутствием. Еще лучше, когда диск-жокеи скромно признают себя пророком, заявляя: «Ну вот, я всегда говорил, что этот, как его там, «Шокинг блю» еще покажет себя и все такое...»

Но на этот раз сказать было почти нечего. Справочный комментарий отсутствовал. Пела по-агалиски. Но кто на Западе отгадывает петь на другом языке, если хочешь сойти за «настоящий»? Название группы? По нему тоже многого не скажешь. Стандартно-оригинальное, как все прочие: одно слово ударного порядка (вары, нокаут), другое — по части окраски (голубые, красивые, сине-зеленые).

Пока — временно — именовал группу американской. А неделю спустя, когда навели справки, ансамбль — победитель конкурса радиопрограмм оказался голландским. Вот уж верно «шокинг», скандальный случай!

Между тем случайная заминка совсем не случайная. Здесь сработало золотое правило — нет ничего лучше хорошо подготовленного экспромта. Вначале — в 1966 году — был гитарист по имени Робби ван Леуен, который пытался делать музыку в группе полудилетантов. Как он исполнил, потом, оркестранты были «шлатый-болатый», приходил и уходил, выступления были случайными, как и сами участники. Похоже было, что собрался один неудачник. А это страшная вещь для бизнеса.

Робби решил «выскочить из лодки». Он устроился в известную фирму грамзаписи «Поладор», где не просто играют и записывают музыку, там ее профессионально продюсят. Робби наблюдал, как натачивают ансамбли, как аржанжируют вещи, как желанная удача свинчивается по кусочкам. Через год он решил, что пора переходить к делу.

Полвагас за приобретенные навыки и свое тонкое чутье моментально Робби организует «Шокинг блю» вместе с Классис ван дер Ваа (бас-гитарист) и Корлиансом ван дер Бееком (ударник). Уже через несколько месяцев их совместной работы песня «Люси Браун снова с нами» стала популярным хитом у молодежи Голландии. Однако осторожный и основательный Робби ван Леуен оставался неспокоен — в группе не было яркого вокала. По всем уголкам, в развѣздах и повисающих развешивал певцу. Как это часто бывает, напал у себя под носом, в Таге. Маричка Верес с отчаянным высоким голосом имела все данные, чтобы стать «звездой» ансамбля. Она поставила в конт-

ракте два твердых условия: во-первых, в течение первого года совместной работы «Шокинг блю» был обязан «хоть кровь из носа» выпустить настоящий хит — вещь, гарантирующую известность; и, во-вторых, оркестрантам строго-настрого запрещалось ухаживать за певицей. Итак, был дан год срока. Маричка, как видите, тоже хотела удостовериться: не попал ли она ненароком в компанию неудачников?

Робби и вся группа постарались доказать обратное. И судьба улыбнулась. Песня «Пришел мне картонка, родная» и «Долгий одинокий путь» примались по вкусу в Голландии, ну а слова «Венеры» была той самой печатно всемирного успеха и залогом действительного рождения ансамбля. Маричка великолепно осталась. Группа «Шокинг блю» могла жить дальше. «Случайное нехотеное» тоже пригодились, когда группу размыслили: ее запомнили, и не только диск-жокеи. Прицел был точным.

Основательный во всем ван Леуен не был бы самим собой, если бы не поставила светить своих ребят к той, кто дал им ставшимому номеру, — Венере Милоской. Группа отправилась в Париж и погуляла там вокруг Луавра. В сам музей попасть не удалось: очереди на вѣх бастовали смуртленки.

...Теперь, когда восторг чуть поутихал, музыковеды обратили внимание на то, что лик популярности «Шокинг блю» точно совпадает с гребнем новой волны рок-н-ролла, накатившейся на оба берега Атлантики в самом начале 70-х годов. Но волни моды быстро проходит, и группы, средя которых и «Шокинг блю», стремящиеся держат нос по ветру, никак не могли, подобно мастерам серфинга, цепляться за гребень одной волны, нужно вовремя перескочить на следующую. Следующей была «кантри-энд-вестерн» — в кавказном ритме нискогда ковалбской мелодии западных штатов США с широким написанием, затихающим в зеленой дали прерий. Из этого стили «кантри», как известно, и народилась в свое время рок-н-ролл.

«Шокинг блю» стал «кантри» не принес пока заметной удачи. Тем не менее в восточном моменте голландская группа уже имеет на своем счету три музыкальных альбома.

Все альбомы «Шокинг блю» сваяны по одному принципу: несколько заимствованных мелодий непременно чередуются с явными и бесцветными композициями. Обычный коммерческий бутерброд. Это, кстати, характерно для многих западных пластинок и имеет весьма простое объяснение. Для подавляющего большинства тамошних исполнителей путь к успеху лежит только через список песен-бестселлеров, так называемый «хит-парад». Важнее всего хит-парад 45-оборотных пластинок — «синглов», так как именно на него ориентируются диск-жокеи на радиостанциях в большинстве дисков. Вот и приходится ансамблям стараться записать на мелководном диске легко запоминающуюся, но, как правило, несложную мелодию, ведь обычно только такие песни имеют шансы стать хитами.

Когда группа или исполнитель достаточно прославился, несколькими подобными песнями, фирма грамзаписи решает выпустить долгоиграющую пластинку. В нее обязательно включаются все уже получившие известность хиты, ну а промежутки между ними заполняются чем угодно.

Лучшие песни «Шокинг блю», прежде всего «Венера», затем — «Никогда не выходи замуж за железнодорожника», были подхвачены многими эстрадными исполнителями и ансамблями разных стран. Знакомы с ними в советские слушатели — они включались в программы «Маяка», радиостанция «Юность», их исполняют самодельные вокально-инструментальные ансамбли.

НЕМЕН БЕЗ ЗАГАДОК?

Коллекция эпитетов, которыми награждала Немец мировая пресса, вряд ли уместилась бы в рамках этой статьи. Его называли «самым чужим духом песни», «осуду», «вселяющим западную» и т. д. и т. п. Его пытались и пытаются переменить в душе деятеля западного «шоу-бизнеса». Счажем, во время гастролей в Мюнхене к нему в номер пришли полным составом музыканты из ансамбля «Блэд, Свит энд Тизз» («Кровь, Пот и Слезы») и предложили место вокалиста в своей группе. Немец отказался.

Что это — Чеслав Немен? Очередной «идол»? Звезда-однодневка пост-битлзовской эпохи? Как пришел он к вершинам мировой славы?

Его имамсе чаще и чаще признают, когда говорят о новых формах в современной популярной музыке. Путь Чеслава Мемана начался 35 лет назад в селе Вадишники, что под Гродно. В этих местах на вопрос: «Кто вы?» — отвечают: «Мы адезинцы». Здесь, на берегу Немана, поют старинные русские, белорусские, литовские песни. Здесь маленький мальчик Юлиус Вайдыкшич, родившийся в семье музыканта, и сам поет в сельском хоре, поражающий односельчан силой и красотой своего голоса. Но после войны в Гродно господствовала болезнь горла о пении, казалось, пришлось забыть навсегда, и он начинал заниматься музыкой в Гродно по классу баяна и домры.

В 1936 году Юлянуш продолжает занятия в Гданьской высшей музыкальной школе. Играл на бас-кларнете в джазовом ансамбле, участвует в спектаклях студенческого клуба. Репертуар — главным образом песни Латинской Америки, боса-нова, рок-н-ролл — стандартные мелодии тех лет.

В 1962 году он участвует в фестивале молодых талантов в Щецине и неожиданно для себя и для всех попадает в «золотую десятку». Так начинается его стремительная, яркая и легкая карьера на эстраде.

Он становится ведущим ансамбля «Черно-голубые». В это время Юлиуш начинает сам сочинять музыку. Его первые песни — «Помнишь ли ты меня еще?», «Время как река» и «Знаю, что ты не вернешься» — могут быть, еще далеко не шедеврами, но в них уже слышны характерные для его творчества славянские темы — эхо родного края.

В 1963 году знаменитый французский импрессионист Бруно Кокарик пригласил «Черно-голубых» выступить на сцене парижской «Олимпии». Он же попросил солиста выбрать себе псевдоним, ибо французам трудно выговорить его фамилию. Выдающийся без колебаний ответил: «Немен» — так по-польски звучит название реки, на берегу которой прошло его детство.

Итак, успех. 1965 год приносит ему главную награду песенного фестиваля в Ренне (Франция) — «Серебряный горностай», и специальный приз жюри как самому оригинальному таланту в категории авторов-исполнителей-композиторов. Он выступает по французскому телевидению.

Л. ГЕРАСИМОВА,
В. ЗИНЧЕНКО

нию. Одну из его песен записывает Марден Дитрих.

В 1967 году Немец создает в Варшаве свою первую группу «Аквареля». Тогда же на фестивале в Ополе он получает один из главных призов за свою интересную песню протеста «Странный этот мир». В ней слышится и отголоски музыки славянского романтизма XIX века, и экспрессия Джеймса Брауна, и лирика полонеза, и горечь блюза, а главное, в ней — глубокий философский смысл.

Такой странный этот мир,
В нем еще так много зла.
Злым словом можно убить, как ножом.
Но люди доброй воли
Должны победить в себе зло,
Чтобы сохранить мир.
Нет! Нет! Никогда не должен
Погнебнуть этот удивительный мир!

Эта пластинка разошлась «золотым» тиражом и стала первым хитом Немена, принесшим ему мировую известность. Вторая его пластинка — «Успех» — также становится «золотой».

Летом 1969 года Чеслав Немен делает на родине совместную запись со всемирно известным альт-саксофонистом Збиниевом Намысловским. Его новый альбом «Немен Энигматик» («Загадочный Немен») становится, по мнению музыковедов, переломным моментом в истории польской популярной музыки.

Надо заметить, что Немец весьма чувствителен к слову в песне и, не доволь-

ствуясь так называемыми «песенными» текстами, начал в последнее время писать музыку на стихи известных польских поэтов — классиков и современников.

Заглавием вещь альбома — «Траурная распадающая памяти Бема» (генерал, романтический герой польской истории, символ преданности революции, свободе) — написана на слова известного стихотворения польского поэта XIX века Циприана Норвида. Она ошеломляет своей масштабностью, глубиной, эмоциональностью и экспрессией. Критики оказались в затруднении, не зная, к какому жанру отнести эти 20-минутные музыкальное произведение. Это — поэма? Дикло? Классика? Воображение средневековой музыки? Или же синтез всех известных до сих пор жанров и форм? Может быть, именно о такой мистериной мечтал Скрибин, говоря о музыке будущего?

Звон колоколов и головокружительные гитарные пассажи в манере Динни Хенрикса, баховские календии органа и вакханалия звука в традициях фри-джаза, хор, поющий на латинском языке эпиграф из Ганнибала к «Райсодии», — Мененс создал на редкость удачный звуковой образ, передающий безутешное горе народа, потерявшего своего вождя.

Так, синтезируя соул и джаз, атональную музыку, блюз, славянские мотивы и живое поэтическое слово, Немен добивается поразительного эффекта, удивляя каждый раз слушателей своей неисчерпаемой фантазией, новизной звучания и безупречным вкусом.

Многие тридцатисемь начали инструментально свои мелодии в «стале Немецона». Но сам Немецон не считает себя «битовым» певцом. Он говорит: «Я не знаю, что такое «бит-бит». Я знаю одно: любая музыка должна быть хорошей, должна нести добро людям... Я люблю и восхищаюсь Девятой симфонией Бетховена. Но величайшим кладом для меня является Бах. Его тонкую, строгую музыку я сравниваю с негритянским блюзом, ибо в кажущемся монотонности его фуг — множество интересных оттенков, и чувствительного человека эта монотонность может привести в состояние экстаза. То же самое в «Болеро» Равеля».

Он пишет для театра и телевидения, выступает в бан-мюзикле, сочиняет «Ревнем для Ван-Гого», Его последний ансамбль — «Группа Немена» — это уже в принципе нечто совершенно новое, хотя кое-что от прежнего Немена в ней сохранилось.

Вслушайтесь в музыку Немей, и вы услышите шорох полевых цветов Мазовии и шелест лесных птах Ополя, мерное дыхание Вислы и трепетный пульс ночной Варшавы. Вслушайтесь в чеканный, торжественный ритм его глубоко патристичных песен, в них есть все: и белоснежная чистота духа, и горячая кровь, как в цветке флага; гордость за свою отчизну и чувство ответственности за ее покой. Он раскрывает нам свою душу...

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБИШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, А. С. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ

Художественный редактор О. С. Александрова

Оформление В. Д. Грызлова.

Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.
Сдано в набор 19/VIII 1974 г. Подп. и печ. 27/IX 1974 г.

А07796. Формат 60×90¹⁴/₁₆. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2.
Тираж 450 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1732.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030,
Москва, Н-30, ГСП-4, Суховейская ул., 21.

«МЫ ПОБЕДИМ» — ПОД ТАКИМ НАЗВАНИЕМ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МУЗЫКА» В БУДУЩЕМ ГОДУ ВЫЙДЕТ СБОРНИК ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ПЕСЕН С ТЕКСТАМИ НА РУССКОМ, ИСПАНСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ. В СБОРНИК ВКЛЮЧЕНЫ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ПЕСНИ О ВОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ. ОДН ИЗ НИХ МЫ ПУБЛИКУЕМ СЕГОДНЯ.

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Мелодия и слова Велле

Обработка В. Сибирского
Русский танец М. Садовского

2. На земле иссохшей, мертвой
Расцветает бедность,
От сомнений горьких
Никуда не деться.

К землям плодородным
Бедным путь заказан.
Издавна угодно
Это богачам

3. Ночь к земле его притянет
И слезу осудит,
Он с надеждой встанет,
Веря в день грядущий.

И пойдет бороться
За права на землю,
Отступит придется
Жадным богачам.

4. Тем земля принадлежит,
Кто трудится на ней,
Кто без нее не может жить!

Бро - дит он всг-гда пе - чаль - ный по стра - не ог -

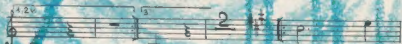
ром - ной, он в до - ро - ге да - ле - не о - дин без -

дом - ный, лишь не - спра - вед - ли - вость бед - но - го встре -

ча - ет, по стра - не раз - ли - лись го - ре и пе -

чаль. чам, дол - го -

ждан - ный день при - дет, по - бе - ды свет - лый

день - и мир от сча - стья за - по - ет. ней